

**НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) им. С.Ю. Витте**

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**НОВОЕ КАЧЕСТВО
МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА**

**Санкт-Петербург
2016 г.**

Институт
нового индустриального развития
(НИИР) им. С.Ю. Витте

**НОВОЕ КАЧЕСТВО
МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ.
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК БАЗОВОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

13 октября 2016 года
(Санкт-Петербург, Дом ученых,
Дворцовая наб., 26, Дубовый зал)

Санкт-Петербург
2016 г.

Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2016. – 69 с.

ISBN 978-5-00020-033-9

ISBN 978-5-00020-033-9

9 785000 200339

© Коллектив авторов, 2016

© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
2016

Содержание

Введение.....	4
Программа научного семинара.....	6
Вступительное слово С.Д. Бодрунова.....	9
Вступительное слово А.В. Бузгалина.....	11
Доклад С.Д. Бодрунова «О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации».....	12
Выступление А.И. Колганова.....	31
Выступление М.И. Воейкова.....	37
Выступление Г.Н. Цаголова.....	40
Выступление А.Е. Городецкого.....	45
Выступление Н.Ф. Газизуллина.....	51
Ответы на вопросы.....	55
Выступление Д.Б. Эпштейна.....	64

Введение

13 октября 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по теме «Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустириализация как базовое направление модернизации российской экономики».

В семинаре приняли участие более 160 научных сотрудников, специалистов и студентов из Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербургского политехнического университета, Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета и из других учебных заведений Санкт-Петербурга.

С основным докладом выступил д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России С.Д. Бодрунов. Тема доклада «О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации».

С обсуждением данного доклада на семинаре выступили:

Г.Н. Цаголов – профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента и Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д.э.н.

М.И. Воейков – заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, д.э.н., профессор.

А.И. Колганов – заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор.

А.Е. Городецкий – руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН, д.э.н., профессор.

Д.Б. Эпштейн – главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д.э.н., профессор.

Модератором семинара выступил А.В. Бузгалин – директор Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета, руководитель Центра социоэкономики кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Центра «Общество знаний» при заместителе председателя Комитета по образованию Государственной Думы ФС РФ, заслуженный профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный редактор журналов «Вопросы политической экономии» и «Альтернативы», сопредседатель Конгресса работников образования, культуры, науки и техники, заместитель Председателя организационного комитета Московского экономического форума, визит-профессор Пекинского государственного университета, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н.

Во второй части научного семинара состоялась Секция молодых ученых, на которой выступили молодые ученые и студенты из Института экономики РАН, Института экономики и управления Тверского государственного университета, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинского государственного университета, Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

**ПРОГРАММА
НАУЧНОГО СЕМИНАРА**

**«Новое качество материального производства:
социально-экономическая трансформация. Реиндустириализация
как базовое направление модернизации российской экономики»**

3 октября 2016 года

(Санкт-Петербург, Дом ученых, Дворцовая набережная, 26,
Дубовый зал)

Регистрация участников конференции – **9³⁰-10³⁰**

Презентация изданий ИНИР – **10⁰⁰-10³⁰**

Открытие семинара – **10³⁰**

Научный руководитель семинара – С.Д. Бодрунов.

Пленарное заседание семинара – **10³⁰-13⁰⁰**.

Основной докладчик – д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России С.Д. Бодрунов.

Тема доклада «*О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации*».

Выступающие на пленарном заседании семинара:

1. Колганов
Андрей Иванович – д.э.н., профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем МГУ им. М.В. Ломоносова
2. Воейков
Михаил Илларионович – д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН
3. Цаголов
Георгий Николаевич – д.э.н., профессор Международного университета в Москве

4. Городецкий
Андрей Евгеньевич
- д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН
5. Эпштейн
Давид Беркович
- д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН

Кофе-брейк – 13⁰⁰ – 13³⁰

Секция молодых ученых – 13³⁰-15⁰⁰

1. Комолов
Олег Олегович
- к.э.н., младший научный сотрудник Института экономики РАН.
Накопление капитала как фактор инновационного развития экономики.
2. Лемешонок
Ольга Борисовна
- ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте.
Возрождение производства – необходимый компонент современной промышленной политики.
3. Минина
Мария Игоревна
- студентка 1-го курса магистратуры Института экономики и управления Тверского государственного университета.
О трансформации механизма функционирования институтов в условиях новых экономических реалий.

4. Неведрова
Мария Андреевна
- студентка 4-го курса факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС.
Обзор научных подходов к оценке проблемы реиндустриализации российской экономики.
5. Плетнёв
Дмитрий
Александрович
- к.э.н., доцент Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета.
О перспективах становления Нового индустриального общества второго поколения.
6. Субхангулов
Рамиль Амирович
- ведущий научный сотрудник ИНИР им. С.Ю. Витте. *Технологические вызовы отечественной промышленной политике.*
7. Чичирко
Константин
Владимирович
- студент 4-го курса факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС.
Развитие оборонно-промышленного комплекса как направление реиндустриализации экономики РФ.

С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор, директор Института
нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества России

Вступительное слово
(стенограмма)

Уважаемые коллеги, начинаем очередное заседание нашего Научного семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте. Мне сказали, что собралось более 60-ти человек, не только из петербургской городской научной среды, но и – что и радует, и требует дополнительной ответственности к нам как организаторам – из других городов; рад видеть столько интересующихся работой института и темой нашего семинара.

А тема сегодняшнего заседания предполагает дальнейшее развертывание дискуссии вокруг идеи перехода к новому индустриальному обществу второй генерации. Мы решили созвать вас на это заседание, чтобы обсудить еще раз, посмотреть взглядом специалистов, представляющих разные научные школы, на предложенную ИНИРом и вашим покорным слугой концепцию развития нашей цивилизации, ее нового общественного устройства в обозримом будущем – как ее мы видим.

Почему назрела необходимость собраться именно сейчас?

Дело в том, что весной этого года, после долгих размышлений и многолетней подготовки, после ряда выступлений и докладов на конгрессах и конференциях, после доклада, который я сделал на заседании Секции экономика РАН (там было большое и активное обсуждение, стенограмма в небольшом сокращении опубликована), я издал книгу "Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка", где обосновал, с учетом результатов упомянутых обсуждений, концепцию НИО.2, неизбежность перехода к такому состоянию общества, и ряд базовых положений, если можно так выражаться, той дорожной карты, которая позволит без больших потрясений осуществить этот "фазовый переход" общества, говоря термином физики, в новое состояние. Книга быстро, за месяц, разошлась "по рукам", и это – первая причина, по которой я надумал

о втором издании. Ну, а вторая причина – более важная. Сразу после ее выхода, на семинарах нашего института в Кембриджском университете в мае т.г., потом – в ВЭО России и на сентябрьском – в Лиссабоне, в рамках Всемирной конференции по экономическим наукам (эти материалы тоже опубликованы и доступны, надеюсь, участники семинара успели посмотреть), мы получили и в рамках дискуссий, и в частных обсуждениях большое количество вопросов. Стало ясно, что срочно надо "дораскрывать" концепцию, "дообъяснять" и "доаргументировать" некоторые положения. Поэтому – впереди второе издание, оно будет более широким и менее "тезисообразным", и поэтому я еще раз хотел бы проговорить некоторые позиции, которые хотелось бы дополнительно раскрыть, и послушать мнение ваше, коллеги, по представленным идеям.

Я сегодня попросил модерировать семинар Александра Владимировича Бузгалина, не только хорошо умеющего это делать, но и хорошо знающего материал; мы с ним многие эпизоды и аспекты обсуждали на наших коллоквиумах – у нас практикуется такая старинная (но в Питере бледут традиции!) форма "докапывания" до истины путём нудного "докапывания" интересующихся темой до автора идеи.

А.В. Бузгалин,
д.э.н., профессор Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Вступительное слово
(стенограмма)

Я вспомнил старую сказку, вернее прибаутку про конферансье, который должен быть прекрасным режиссером, прекрасным исполнителем, замечательным модератором и т.д. и т.п. После этого задается вопрос – а зачем нужен конферансье, если он обладает всеми этими качествами? Не знаю, какими качествами я обладаю, но я буду выполнять роль научного конферансье или модератора на этом семинаре.

Во-первых, коллеги, мы не первый и не последний раз собираемся в этом удивительно красивом и серьезном зале. Здесь красота, добро истина соединяются вместе. На этом семинаре мы ищем решение серьезных и важных проблем нашей социально-экономической системы, причем рассматриваем экономику в единстве с ее материально-технической базой, что бывает далеко не всегда в среде экономистов, многие из которых считают, что кроме подсчета денег ничего другого делать экономистам не следует.

Наш семинар построен иначе. Мы смотрим на связь технологий, экономических процессов, общественного развития и даже Культуры. «Даже культуры» – это оговорка, ибо слово «Культура» в нашей среде пишется с большой буквы. Основа для наших диалогов – доклад профессора Бодрунова, который он представит. Как модератор этого семинара, я бы попросил Сергея Дмитриевича именно поразмышлять вместе с нами, поскольку у нас есть тексты его докладов, есть книги, которые мы знаем, есть статьи в «Экономическом возрождении России» и в других журналах.

Далее у нас есть пять ключевых дискутантов, очень «злых» профессоров, которых частично мы специально привезли из Москвы, ну а частично такие профессора водятся и в Питере. Во второй половине у нас будет открытая трибуна. Мы попросили молодое поколение выступить со своими замечаниями.

Слово для доклада предоставляется директору ИНИР имени С.Ю. Витте, профессору Сергею Дмитриевичу Бодрунову.

**С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор, директор Института нового
индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического общества России**

**О некоторых вопросах эволюции экономико-социального
устройства индустриального общества новой генерации
(стенограмма доклада)**

Спасибо! Что касается "злых" профессоров – я счастлив получать их замечания и вопросы, потому что наибольшее удовлетворение получаешь от двух вещей – интереса к твоим мыслям и ощущения, что ты знаешь ответ на каверзный вопрос. Но – тут критическое замечание к самому себе. Я просто немножко оговорился, что мы много обсуждаем, а Вы уже сразу развили мысль. На самом деле понятно, что мы, создавая почти двадцать лет назад наш институт, ориентировались на конкретные идеи – и мои, и идеи других людей, эти идеи мне приходится иногда консолидировать, исследовать, где-то концентрировать, но в общем-то мы вокруг одного и того же, как говорится, крутимся и работаем. Поэтому наш ИНИРовский семинар – не закрытый, и очень хорошо, что на наш семинар ездят люди из Москвы, приезжают из разных других городов и весей. Больше того, могу сказать, что в этом году мы участвовали как представители этого семинара и проводили, как я сказал, собственные семинары в других странах, где не все участники сегодняшние могли быть, но некоторые присутствовали, и были коллеги из других стран. Так что семинар развивается – и хорошо, что эта тематика находит отклик в сердцах, умах и где-то в других частях организмов наших ученых коллег.

Теперь перейду к докладу.

Коротко напомню знакомые, наверное, какие-то вещи, о которых я уже неоднократно говорил, но чтобы уже ввести в тему, я бы хотел с чего-то начать говорить из того, что было раньше. С этого начать.

Первое. Мы сегодня говорим, наш семинар нынешний посвящен проблеме нового качества производства. Мы говорим о чем? Что мы сегодня живем в другую эпоху, не в ту, в которой жили,

собственно говоря, раньше. Незаметно для себя мы вступили, я бы так сказал, в новую технологическую революцию. И на основании чего эти выводы делаются – ну, наверно, не будем подробно в это сейчас вникать – это уже обсуждалось. Можно только сказать, что мы уже начали на себе (первоначально, может быть, не сразу это было видно) всё это ощущать, и экономика мировая, и наша страна – этакое, знаете, "дыхание" этой гигантской трансформации, которая началась.

Это ощущают многие. Но не все анализируют это с одной и той же точки зрения – почему это происходит. Есть разные позиции. У меня тоже есть своя, определенная, отличная от других, позиция – почему сегодня происходит то, что происходит. И сегодня еще раз хотелось бы ее представить и обсудить.

Исхожу я, как всегда, из одного и того же посыла, которым, собственно говоря, занимаюсь на протяжении многих лет – из того, что основой любых трансформаций, всех трансформаций в обществе вообще является интеллектуальное, индустриальное, технологическое, я бы сказал точнее, развитие материальной базы и соответствующих институтов и цивилизационных установок.

Я хотел бы, чтобы мы сегодня, исходя из этого, попробовали проанализировать текущую ситуацию и воспринять какие-то мои идеи, оценить тренды развития будущего. Я позволю себе утверждать следующее – что в основе того, что сегодня есть, когда мы говорим, что происходит в мире, лежит технологическое измерение; технологические изменения в свое время привели к созданию индустриального общества, и если мы рассмотрим этап, на котором человечество сейчас находится, в плане материального производства, то это – этап индустриального производства. Были до этого другие этапы. Книга, в которой об этом говорится, была роздана на предыдущем семинаре, думаю, что некоторые посмотрели. Я ее назвал немножко, как сказал Александр Владимирович, провокационно, подчеркнув тем самым мое несогласие с тем, что сегодня наступило постиндустриальное общество. Почему – я сейчас об этом скажу. Но я могу сказать, что исследование сущности феномена индустрии и доминант ее развития, которые наметились в последние десятилетия и прослеживаются дальше, те вызовы, которые мы сегодня имеем –

вот они как раз подтверждают неизбежность перехода к новому для человечества этапу развития.

И это – этап индустриальный. Это, я бы сказал, реинкарнация идеи индустриального общества. Но при этом я бы сказал еще, что это – новый его период, это – новая генерация индустриального общества, новое его поколение. Я бы даже сказал шире – мы переходим к новому типу общественного устройства, настолько существенно отличающемуся от того, что было у нас в конце XX-го – начале XXI-го века, что мы можем говорить о нем как о новом типе общественного устройства.

И вот мы его как раз и называем у нас в институте – новое индустриальное общество второго поколения, или, сокращенно, коротко, НИО.2; в отличие от того, как пишут программисты: 2.0, и т.д., я все-таки как математик считаю по порядковым номерам – 1, 2, может быть, еще будут этапы.

Думаю, наверно будет неплохо хотя бы в двух словах охарактеризовать важнейшие тренды вот этого нового материального производства, его развития, которое как раз качественно меняет и процесс материального производства, и сам индустриальный продукт как его результат.

Напомню, что на одном из наших семинаров предыдущих, мы, анализируя процесс материального производства вообще, и процесс производства индустриального в частности, говорили о том, что он состоит из 4-х важнейших компонент. Это – материалы, технологии, организация и труд. Результат производственного процесса – продукт производства. Если это индустриальное производство, то продукт индустриального производства. Так вот, в чем особенность нашего представления о том, что такое продукт и что такие компоненты производства материального? Особенность состоит в том, что всякий продукт можно представить состоящим из двух компонент; мы для анализа берем лишь вот эти две базовые компоненты, которые есть в продукте и есть в каждом элементе производственного процесса, абстрагируясь от прочего. Это а)материальная часть и б)нематериальная часть. Нематериальная компонента – это знания. Конечно, можно говорить, что продукт состоит из многих других компонент и рассматривать с других разных точек зрения. Об этом, к примеру, Г. Клейнер говорил, когда

в Академии наук обсуждали мой доклад. Но еще раз – для нашего анализа мы берем вот эти две компоненты.

Я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что вся история человечества показывает нам, подтверждает, что "знаниявая" часть всегда росла. В объеме производства, в любых компонентах производства и в самом продукте производства. Причем этот процесс – непрерывный, и этот процесс – ускоряющийся. Мы, конечно, понимаем, что в какой-то момент во многих продуктах знаниевая часть существенно превысит материальную часть. И сейчас мы уже это видим. Т.е., такой момент наступил. "Время пришло!" Если мы возьмем, например, ну вот такой предмет, как этот айфон, то, по информации компании Apple, в нем (я не знаю, как они там считали, и в общем, не это сейчас предмет анализа), как они утверждают, лишь 4,8% составляет материальная часть. Все остальное в цене их производства – это то, что есть нематериальная часть, добавленная разнообразная стоимость. На самом деле – это те знания, которые воплощены в этом продукте. Этот пример, возможно, покажется уникальным, это ведь вот такая высокотехнологичная «штучка». Но на самом деле, если взять другую "штучку", например, вот эту бутылочку с водой, тут почти, кроме воды, ничего больше материального нет, все остальное – почти одни – да, знания, потому что всё – как эта пластмасса получилась, как на ней наклейка, из чего она состоит, – это тоже продукт многочисленных переработок того исходного материала, который был в начале, на основе знаний. Так что мы живем в мире совершенно другом уже, чем хотя бы в период гелбрейтовского индустриального общества.

Многие специалисты в конце, во второй половине, скажем, XX-го века начали говорить о том, что материальное производство «уходит», ВВП падает, особенно если традиционную статистику брать: трудовые ресурсы, занятые в промышленности, в индустриальном производстве – все менее значительные, соответственно, их влияние на общественные процессы падает, появляются другие сферы деятельности людей. Появилась некая концептуальная платформа, объясняющая, что общество, изменившись, "ушло" от индустрии как базы экономики, "переросло" ее, в связи с чем его на этой "статистической" волне назвали постиндустриальным, с разными вариантами. Эти

исследователи повели речь об "угасании" индустриального производства, формировании некоего иного, соответственно, общественного устроения, в котором главными, базовыми движителями экономического и социального развития стали элементы непроизводственного, "нереального" сектора.

Я бы хотел сделать другой вывод. Не появилось общество, которое стало неиндустриальным – его можно назвать как угодно. По поводу терминов я неоднократно писал в разных статьях, как я и с чем согласен или не согласен. По сути – это другой вопрос, о терминах можно спорить. Но здесь само отрицание сути материального производства как основы экономики, важности материального производства, "отодвигания" его на 2-й, 3-й план мне представляется неправильным. Я согласен, что мы вступаем в другую эпоху. Но в эпоху не постиндустриального общества, а в эпоху индустриального общества нового поколения.

Почему? Потому что... Знаете, отвлеку вас на минуту, – я вчера в Тамбове выступал на научной конференции, и один доктор наук местный, один из руководителей их университета, сказал, что при всех "постиндустриалистских штучках" информационное обеспечение на спину не наденешь, нужен пиджак, т.е. пиджак никуда не девается, и мир состоит из индустриальных вещей. И он прав. Конечно, мы должны понимать, что материальная часть, несмотря на то, что она в общей доле валового продукта снижается, никогда не исчезнет. Она останется основой материального производства.

Но есть и другая сторона. Вот смотрите на этот график, здесь вот то, что я рассказал, диктует вот такую картинку (Рис. 1). Некоторые у нас его, этот график, называют "кривой крест Бодрунова", а некоторые – "упавшей рюмкой" – тут что кому больше по вкусу. Мы видим: материальная часть, т.е. фондо-, энерго-, ресурсо-, материалоемкость, материальные компоненты, материальная часть с течением исторического времени постоянно снижается, но она, видите, снижается не до конца, по изгибающейся кривой, и понятно, что она будет где-то сохраняться. То же самое – знание, его доля в стоимости продукта (как и всех, замечу, компонент производства продукта), растет к 100%, мы, люди, увеличиваем постоянно объем знаний в продукте, во всех компонентах продукта, но ясно, что он никогда не достигнет 100%,

Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонент продукта

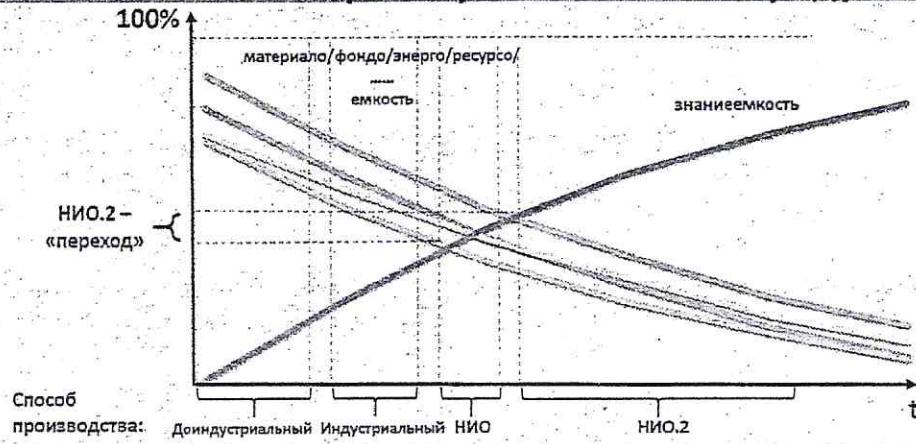

Рис. 1.

останется некая материальная доля; и понятно, что должно быть некоторое близкое к пределу соотношение и, видимо, по каждому направлению производственной деятельности оно будет разным. Но общая тенденция будет такая. Такая, как некоторые коллеги у нас говорили – крест, или рюмка, на боку лежащая, неважно, но картину отражает, и, в общем-то, такая "рюмка" есть.

И вот это и есть как раз тот самый аспект, который мы считаем важным, для того, чтобы делать анализ дальнейшего состояния общества. Возьмем другой слайд (Рис. 2). Вот – знания; поскольку мы говорим об относительном увеличении доли знаний в индустриальном продукте, мы делаем вывод какой? Что у нас постоянно происходит в общем объеме промышленного производства рост так называемой "знанияемкой" продукции и рост "знанияемкости" продукции в целом. Это влечет за собой создание, появление, а для нас – выявление качественно нового типа материального производства.

Знание как базовый фактор индустриального способа удовлетворения потребностей в НИО-2:

- знание – неотъемлемая часть «новоиндустриального» продукта;
- постоянное накопление/увеличение во всех элементах индустриального производства & в индустриальном продукте;
- приоретизация знания в составе «новоиндустриального» продукта;
- непрерывное увеличение относительной доли знаний в индустриальном продукте;

Рост «знаниемкости» «новоиндустриального» продукта

Переход к качественно новому типу материального производства

Рис. 2.

Я бы хотел на нем немножко остановиться. Вот следующий слайд – здесь показано (мы такой термин ввели для описания явления – "знаниемкость" продукта производства) – появляется более высокая знаниемкость продукта производства (Рис. 3). Базовые компоненты взяли – технологии, методы организации производства и характер труда. Всё поменялось и продолжает меняться. Знаниемкенсивность технологий растет. И то же – в организации производства. Происходит, к примеру, и качественное изменение характера труда. Что я здесь имею в виду? Помните, у Маркса: рано или поздно придет время, когда человек станет не "придатком машины, а контролером и организатором производства". Вот, собственно говоря, человек, становясь носителем знания, как элемента трудовой деятельности, получает большую долю знаний соответствующую в процессе дальнейшего развития, а труд становится качественно другим. Труд другим становится, и

Производственный процесс в НИО.2:

- **знаниеемкость** продукта производства;
- **знаниеинтенсивность** технологий и методов организации производства;
- **труд: качественно новое содержание – «человек – носитель знания»;**

Знаниеинтенсивное производство

Рис. 3.

организация производства становится другой, и материалы другие, и оборудование другое. Другое – настолько сильно отличающееся от того, что было ранее, что можно говорить о том, что производство, которое в результате такой знаниеемкой деятельности осуществляется – другое, и мы видим, что продукт, как мы сегодня говорили, другой.

Для чего вообще нужен продукт? Исключительно – для удовлетворения человеческих потребностей. Т.е. современный индустриальный продукт (качественно иной!) осуществляет не только удовлетворение потребностей на качественно ином уровне, но и формирует последующие новые качественно иные потребности – более высокого уровня, если пользоваться пирамидой Маслоу. А это влечет за собой формирование и новых "надстроенных" отношений и институтов общественного устройства. Формирование НИО.2. И этот процесс развивается. Причем, с ускорением. И почему я полагаю, что мы постепенно, степ бай степ, вступаем в это новое

для общества состояние? Потому что критическая масса доли знаний в обобщенном продукте, полагаю, сейчас уже превысила долю материальную (что и отражено на слайде с "рюмкой"); это – знаковый для развития цивилизационного момент.

Вообще-то многие на Западе, под сурдинку постиндустриализма, осознали, что впереди – вовсе не постиндустриальный рай, а сложная борьба за экономическое лидерство. А какой ресурс главным будет в будущем в этой борьбе? Очевидно, исходя из показанных нами выше построений – тот, который будет составлять основную часть продукта, удовлетворяющего потребности людей в НИО.2. Т.е. – не материальные ресурсы, а знания. Знания, воплощаемые в технологии, в иную организацию производства, труда, материалов. Я бы жестко подчеркнул, дал императив: экономические лидеры будущего, НИО.2 – лидеры технологические. И сейчас мы вступаем (безусловно, не забывая на этом переходном этапе о материальных ресурсах!), в борьбу за главный ресурс грядущей эпохи – знания.

Теперь – о наших перспективах. Что это для нас здесь важно? Что вытекает из этого, какой вывод можно сделать? Сегодня Россия базируется на экономической модели, как бы там мы не пытались от нее уйти, сырьевой. Структура экономики у нас понятно какая, и какие последствия для нас это все имеет. Особенно – в свете перспективы, определяемой переходом к НИО.2. Нам необходимо менять модель, об этом мы говорили еще пять-семь лет назад, об этом говорит президент, об этом кто только сейчас уже не говорит. А. Кудрин сейчас занимается этими вещами по поручению и без поручения, мы неоднократно в ВЭО это обсуждали, на всех семинарах. И могу сказать, что – да, все склоняются к тому, что пора менять модель. И какая она будет, высказываются разные идеи и конструкции. Мы же, исходя из нашей концепции, настаиваем на том, что в основе новой модели экономического роста должен лежать приоритет технологического развития, приоритет материального производства, создания качественно новой индустрии, реиндустириализации в широком смысле слова на качественно иной институционально-технологической основе; необходимо восстановление ведущей роли промышленности в экономике страны. Это – не о том, что необходимо ВВП увеличивать или какие-то другие вещи такие «статистические», которые

традиционно связываются с ролью той или иной компоненты в экономике через ее "счётные" показатели – удельный вес большой, и т.п. Мы должны говорить о другом – о том, что нам необходимо в этой модели учитывать тренды развития технологического. Почему? Исходя из всего предыдущего, о чём я говорил, еще раз подчеркну – знания, именно знания станут главным ресурсом будущего времени. Вот сегодня ресурс – нефть, газ, лес – они считаются традиционными ресурсами, которые важны, за которые идет борьба, конкуренция и т.д. Но будущая конкуренция не за лес будет, не за дрова, а за способы их разжигания, типа – за такой способ сжигания, чтобы из них до 100% энергии получить. Да и энергии для того же производства на единицу продукции надо будет меньше, тут тоже новые технологии будут создаваться.

Еще раз посмотрим на картинке (Рис. 1) – по «рюмке» этой, если мы движемся вправо, то увидим, что в "глобальном" измерении продуктов не будет меньше, их будет больше. Но удовлетворять они реализует, все эти потребности человека удовлетворить, надо было, ну – не знаю, тонны материалов перелопатить – стекла, пластмассы (ее раньше вообще не было, не знаю, из чего могли его бы сделать), металла; телефон, допустим, был отдельным продуктом, часы – отдельно, навигационные приборы – отдельно, справочник – отдельно, что-то еще и еще – отдельно, и стоило бы это кучу денег, и в ВВП это выглядело бы как промышленный объем большой, это стоило много труда, зарплаты, рабочих мест и т.д., и действительно – вот какая доля промышленности была бы большая в ВВП. Но мы удовлетворяли бы при этом даже не все потребности, которые сегодня удовлетворяются одним единственным гаджетом. И производство его стоит намного дешевле, чем совокупная стоимость включенных в него его продуктов-предшественников.

Понимаете? Т.е., если не опираться на традиционную статистику, как это стандартно считается – объемы производства, доли в ВВП и т.п., а использовать в анализе вот такой подход, тогда мы можем говорить о чём? О том, что мы удовлетворяем огромное количество потребностей, все больше и больше, за счет все меньшей (непропорционально!) материальной части. И все больше в этих продуктах знаний. Таким образом, мы должны понимать, какой же ресурс будет в будущем востребован больше. Востребованы всё больше будут знания.

Именно поэтому на этом фронте развернулась колоссальная борьба. Именно поэтому всё, что касается знаний, "зажимается", закрывается. Вот мы были – и Георгий Николаевич, и Александр Владимирович, в сентябре на конференции в Лиссабоне. Там Самир Амин, мирсистемщик всемирно известный, задал мне вопрос, после моего доклада: а как вы думаете, хорошо или плохо, в чем проблема, почему так активно взялись за патентование, за такие вещи, которые на самом деле говорят о большом интересе к знаниям. Я говорю – не только об интересе говорят, а о том, что пытаются уже всеми способами удержать продукт, будущий продукт, ограничить его хождение, монополизировать. Но это – искусственные барьеры, придуманные ограничители-конструкции. Вы знаете, что здесь важно? Важно следующее. Для того, чтобы нам нефть перекачать, нужен нефтепровод, для того, чтобы газ – газопровод, для того, чтобы уголь доставить, надо тепловоз и рельсы, и пр. А для того, чтобы знания доставить, ничего особо затратного в материальном смысле не надо, на самом деле. Говорить о минимальной инфраструктуре можно, но: знания – это более "текучая" субстанция, чем вода, они рано или поздно "просачиваются" везде. Это – первая особенность, особенность знания как феномена; есть и вторая – особенность человека, которая позволяет потреблять знания. С Александром Владимировичем мы дискутировали на эту тему на коллоквиуме (я говорил, у нас иногда проходят перед семинарами коллоквиумы на 2-3 человека); он говорит, что человеку присуще, по классике, некое свойство, которое позволяет ему создавать прибавочный продукт. Я говорю – какое это свойство? Он говорит – нет ответа. А я говорю – есть. Это свойство – усваивать знания, имплементировать, обрабатывать их, рождать новое знание и т.д. Это – единственное Богом данное свойство человека, отличающее его от всего сущего, которое тоже надо учитывать. И только это свойство и позволяет создавать "прибавку" к тому, что было до момента "прикосновения" к этому "тому" – будь то природный материал или продукт "предыдущей" переработки. Но тогда что будет в перспективе с информационной, "знаниевой" частью? Мое понимание – невозможно, сколько бы мы там ни ограничивали искусственными правилами какими-то "ходждение", использование результатов научных исследований, рано или поздно они, результаты этих исследований, "просачиваются", проявляются в

общественном продукте, в общественном устроении, формируя новое состояние общества. Таким образом, и мы должны это тоже понимать, рано или поздно эта борьба прекратится. Но сегодня мы находимся на первом этапе формирования перехода, длинного большого перехода. Это – начало глубинного осознания, с одной стороны, ценности знания как будущего важнейшего ресурса, а с другой – нынешние превалирующие общественные отношения, основанные на частном способе присвоения результата общественного производства и конкуренции за ресурсы, для него необходимые, порождают те способы "защиты" интеллектуальной собственности, которые "продолжают", «лонгируют» во времени существующие общественные отношения по отношению, пардон за невольную тавтологию, к знанию, распространяют на сферу знания отношения, возникшие в "материальной" сфере. Этот этап будет, конечно, преодолен с развитием НИО.2.

Кстати, часто задается вопрос – пройдет ли этот переход безболезненно? Я бы сказал – всегда, когда в системе возникают напряжения, всегда возникают и способы их разрешения. Либо это – какая-то драка, революционная ситуация какая-то, либо – эволюционная, и спокойный путь разрешения этих противоречий, которые возникают в системе. В мировой экономической системе, в том числе, в наше время возникли напряжения как раз в связи с тем, что мы переходим к качественно новому типу производства, технологий. Как говорит Сергей Юрьевич Глазьев – к технологическому укладу новому; ну, пусть это не только он говорит, но это одна из его базовых идей, еще с тех времен, когда я изучал эти вопросы, я читал его почти студенческие книжки, нужно отдать ему должное.

То есть, такой этап сегодня есть, это начальный этап. И человек на этом первом этапе пользуется тем, что есть сейчас, что он имеет в арсенале сегодня, такой бэкграунд, какой есть. Человечество, человек, по своей сути, продолжает ту традицию, которая была раньше. Он дерется, конкурирует, и страны тоже борются за свое место, за то чтобы сохранить свое влияние. Мировые лидеры будущего, лидеры экономические грядущей эпохи – лидеры технологические. Те, кто сегодня сохранят и наработают технологии, сохранят темпы прироста технологий, темпы освоения знаний, новую инфраструктуру знаний создадут и будут заниматься этим на деле, а не болтовней, будут лидерами.

Отсюда вытекает важный посыл – надо работать над максимальным сближением компонент производственного новоиндустриального процесса, сокращать путь от знания к продукту, имплементируя знания и в продукт, и в навыки и компетенции, т.е. делать то, что мы называем интеграцией производства, науки и образования, создавая индустриальные комплексы, субъекты индустриального сектора нового типа, которые заменят в будущем нынешние производства традиционного типа.

Однако на деле все эти идеи пока не особенно осознаны; мы много говорим об этом в последнее время, мы семинары даже проводим, конгрессы и прочее, но наши все пожелания в правительстве, в законах и т.п. реально пока ни во что дельное не воплощаются. Мы видим совершенно другие вещи в науке, определенные, как бы мягко сказать, предпосылки раз渲ала академической науки, потому что пока не ясно, куда это все заведет, но явно не в пользу этой самой интеграции; вот С. Кузнецов должен был приехать, а к нему ревизор пришел из ФАНО по поводу здания, чего-то там еще. Вот и не наукой надо ему заниматься, а другими вещами.

(Реплика из президиума: «В Институте экономики такая же ситуация, Городецкий приехал, а остальные тоже борются за здание!»)

Понимаете, у нас это больше разговоры, так же, как и объединение институтов не на базе там научной какой-то или некоей специальной задачи, решение которой необходимо для развития института как учреждения науки, и т.д., а для того, чтобы материальные ресурсы сэкономить, или какие-то такие прагматические решения реализовать, которые, на самом деле, могут разрушить даже то, что есть; мы не говорим, что это случится обязательно, но, тем не менее, очень предпосылки велики к этому.

В связи с этим я считаю необходимым обратить внимание, что те, кто сегодня там, на Западе, занимается проблемой развития – осуществляет у себя реиндустриализацию экономики. Например, США активно этим занимаются. И если они раньше занимались аутсорсингом, офшорингом своей промышленности, потому что полагали в постиндустриальном угаре, на этой волне, что вот сделают в Азии где-нибудь айфон – замечательно, мы продадим,

получим деньги, а они пусть, как хотят, кувыркаются с этой маленькой прибылью от производства, то сейчас они начали понимать, что обладание технологиями, к примеру, вот такого уровня позволяет "родить" новые технологии, более высокого уровня, и эти новые технологии – это уже будут технологии тех стран. И дальше борьба развернется уже в той самой конкурентной нише, которая будет в будущем, в нише знаний. Поэтому – стоп, дайте назад производство, заберем назад, потому что важные вещи должны делаться у себя, потому что делать у себя, здесь, – это способ удержания технологий в руках, и т.д. Идет ресурсинг, оншоринг промышленности в Германии, в Европе, в Америке. А мы до сих пор реально не боремся с последствиями деиндустриализации. Да, у нас начались какие-то подвижки, но пока они несистемные и робкие. Между тем мы много лет говорим о необходимости реиндустриализации на качественно новой основе, как основе нашей экономической модели, необходимости восстановления приоритета промышленности в новом таком качестве. Почему? Еще раз скажем. Потому что впереди – технологические изменения, и лидерами будут те, кто будет ими обладать.

Я немножко даже здесь скажу более широко, перейдя к миросистемному взгляду на эти вещи. Я думаю, что на самом деле можно, наверно, говорить о потенциальном закабалении на длительный период тех стран, которые не будут обладать передовыми технологиями через там 30-40-50 лет, если не будут созданы институты, инструменты, позволяющие им установить технологический паритет или добиться в некоторых хотя бы сферах технологического лидерства. Так вот, если этот тренд будет сохранен, и институты такие будут созданы, то в этом случае страны разделятся на две группы. Одна группа, на мой взгляд, будет группой "производящих" стран, т.е. новых капиталистов – стран, условно говоря, обладающих капиталом будущего – знаниями и технологиями, и тех стран, которые будут "обслуживающими", работающими за пусть неплохой, но – "кусок хлеба". У нас сегодня ситуация такая, что мы вполне рискуем попасть во вторую категорию. Хотя у нас все предпосылки есть не отстать, если бэкграунд посмотреть – и советский, и российский, и ментальность нашего народа, и возможности России по многим направлениям, и

возможность на сегодняшних сырьевых ресурсах иметь какие-то доходы и делать вложения, но правильно их направить. Мы имеем приличный бэкграунд, мы имеем возможность в первую группу попасть, потому что весь переходный этап НИО.2 – он создает предпосылки для нормального существования и России, и нашего общества в этом новом этапе, если мы будем двигаться правильным путем.

Если нет, тогда у нас риск вот такой есть – стать «обслугой». Это надо четко себе представлять, понимать и осознать.

Ну, а пока – мы раскачиваемся, надеемся на авось, на "рассосется", на "щучье веление". Оправдания научообразные ищутся для оправдания бездеятельности. Я бы прошелся по поводу некоторых таких позиций. Ну вот пару терминов, буквально две позиции. Вот, коллеги, «новая нормальность». Слышали, наверно, неоднократно, появился термин, первый раз его, наверно, запустил исследовательский центр PIMCO в 2009 году, описывая вот эту возникающую как бы из "ниоткуда" ситуацию в мировой экономике, которую невозможно с такого традиционного аналитического взгляда объяснить, разъяснить, что происходит, и описал такие вещи – признаки "новой нормальности", в которой мы сейчас должны жить непонятно какое длительное время, – это замедление почти до нуля темпов экономического роста мирового, это высокая волатильность на рынках. У нас в наших пенатах родных – это очень удобная позиция для тех, кто не может решить, что же делать, не может найти решение или корни поискать, да и времени нету, и отчитаться надо быстро, т.е. для людей, которые правят экономический бал, это удобный термин. Такая экономическая дефиниция нашими экономическими управленцами была дополнена еще одной характеристикой – новая нормальность, дескать, предполагает снижение эффективности фискальных и других инструментов управления экономическими процессами. Соответственно, чтобы мы ни приняли, какое бы решение ни предложили, – то производить, это производить, возвращаться к такой-то модели экономики или делать другую, результат наших метаний будет незначительно влиять на все эти происходящие в реальной экономике вещи, результат будет примерно тот же самый – так чего там и суетиться, и можно оправдать все.

Но вот я думаю, что, во-первых, "суетиться" надо, и оправдания здесь никакого нет, надо в любой ситуации искать выход. И я думаю, что то, что я сегодня говорю, это где-то граничит с тем, что надо все-таки обращать серьезное внимание на материальное производство, развивать это направление, искать проекты, в которых мы можем быть лидерами. Мы не можем все делать в мире, безусловно, но можем делать какие-то вещи, которые сегодня нас будут вытаскивать на этот передовой уровень, как звенья цепочки. Такие направления есть, есть НТИ, в которой многие вещи уже в общем-то неплохо и грамотно прописаны учеными, академиками РАН, специалистами, привлеченными из реального сектора экономики. Проекты, знаете, как матрица – есть направление (по горизонтали, условно), есть какие-то ресурсы (по вертикали), есть на пересечении проект, в котором это направление за эти ресурсы можно реализовать. А далее проект тащит за собой экономические какие-то решения более низкого уровня. И т.д. Это позволит не размазывать деньги по всему, как говорится, постсоветскому пространству и не "бороздить космическими кораблями просторы вселенной", а конкретные целевые решения (да еще, чаще всего, и региональные площадки поднимать) через проекты финансировать, но они должны быть "заточены" и на решение точных и точечных задач, и на глобальную задачу возвращения этого тренда – качественно нового материального развития, развития материального производства на передовой технологической основе.

Еще об одной вещи, во-вторых, хочу сказать. Вот сейчас в политэкономической науке говорят очень часто о "новом империализме". Знаете, буквально пару дней назад мы с Александром Владимировичем были на конференции, которую проводили фонд Розы Люксембург и Институт экономики в Москве. Рассматривалась проблема нового империализма. Новый империализм, закабаление на новой основе, то, что сегодня происходит – да, появляются государства-империалисты, которые в ходе глобального процесса человеческого развития занимают базовые позиции, и отношения труда и капитала, собственно, переносятся на отношения стран-трудящихся и стран, капитализирующих этот труд, результаты труда, если говорить коротко. Мне кажется, что все это, все эти вещи – что новая

нормальность, что новый империализм, что какие-то другие позиции, другие направления – все они вокруг одного и того же, собственно говоря, крутятся – как объяснить сегодняшнюю ситуацию. Мне кажется, что на нашем сегодняшнем семинаре, на базе концепции перехода к НИО.2, мы можем сделать такую попытку, может быть, – немножко по-своему как-то это все объяснить и сформировать на этой базе представление о том, что делать вообще в мире, что должно делаться, по-хорошему, и что делать в нашей стране.

Я вернусь к одному моменту своего выступления. Мы сказали о том, что борьба будет, конкуренция. Но знания имеют в себе огромный заряд другого варианта развития исторического процесса. Если мы вдумаемся – в чем основа конкуренции? Основа конкуренции – в том, что мы конкурируем за что-то, чего не хватает, и чего хотелось бы иметь в разумных понятных пределах. Конечно, исходя из разумных соображений. Так вот, если предмет доступен всем – за него не конкурируют. Чем больше будет развиваться материальное производство – в далекой, может, перспективе, – чем более продвинутыми будут технологии, тем больше будут возможности удовлетворения потребностей людей в тех или иных материальных и окроматериальных, связанных с материальным производством, вещах, предметах и т.д., их использованием, и др.

Я не буду сегодня подробно углубляться в особенности материального производства НИО.2 (потому что в книжке, которую я раздавал на прошлом семинаре, целая глава есть, где об этом подробно сказано), но многие тенденции в сегодняшнем индустриальном производстве указывают в перспективе на снижение уровня конкурентности в удовлетворении потребностей через продукт. Скажу только кратко, что это – скорость доставки продукта, снижение его стоимости относительно возможностей человека купить, повышение объема функций в предмете и т.д. и т.д., т.е. это возможность удовлетворить разные потребности одним и тем же предметом, причем все быстрее и опциональнее, индивидуальнее. И таких тенденций десятки, которые говорят о том, что в будущем все будут по-другому. И, соответственно, конкуренция вот за эту материальную часть будет резко снижаться. Но тогда есть возможность бесконфликтного использования всех этих материальных вещей, которые окружают людей в обществе.

Бесконфликтно. Бесконкурентно — и, соответственно, бесконфликтно. Если это так, то тогда есть возможности более гладкого, более эволюционного, эволюционнообразного продвижения к будущему. Эти возможности можно использовать, они закладываются самой природой знания.

Еще один момент. Александр Владимирович упомянул — «даже» культура. Да, важны производство, наука, образование.

(А.В. Бузгалин: "Я поправился и слово «даже» убрал в кавычки!")

А я вот сказал — не даже культура, а культура как важнейшая компонента! Удивительно было услышать это "даже" от Бузгалина, потому что он — креацинист, больше — по природе, хоть и марксист, и это все одно одному не мешает, а дополняет. Но — тем не менее. Я в одной из своих статей прошелся достаточно жестко, чтобы обозначить свою позицию. Почему она возникла, эта статья? Потому что мне на двух семинарах подряд задали вопрос: ну так что — технократия или культура? Нет, коллеги, не технократия или культура, а технократия и культура в одном флаконе. Почему? Если мы не будем воспитывать себя в «правильном» духе, мы не сможем правильно пользоваться достижениями той части нашего человеческого развития, которая называется технологический, индустриальный прогресс, какой угодно прогресс. Можно взять молоток и забивать им гвозди, если правильно воспитан. И он не додумается, если он правильно воспитан, ударить этим молотком по голове соседа. А если он не знает, что этот молоток можно использовать для гвоздей, а знает, что — чтобы бить по головам, он будет бить по головам. А может быть человек, который знает и то, и другое, но в нем "сидят" разные люди, в одном человеке, и он когда-то и ударит молотком по голове. Если не будет в нем создан нравственный запрет. Культурой который создается. И только ею. Коллеги, то же самое происходило и с атомной бомбой. Я счастлив, что были люди в США, которые, не знаю — за деньги, не за деньги, но, мне кажется, из высших соображений, по-моему, они были вполне обеспечены материально, чтобы не продаваться за деньги, — они спасли человечество, передав секреты бомбы или какие-то элементы (хотя говорят — мы сами изобретали, но информация есть на этот счет разная) в другие руки. Потому что баланс восстановился, равновесие. Знания, полученные несколько,

возможно, преждевременно, могли погубить мир, а знания, помноженные на культурный, цивилизационный код, позволили спасти мир. Я думаю, что если мы не будем это понимать, то у нас будут большие проблемы, мы не пойдем эволюционным путем в этом случае, мы пойдем тогда путем конфликтного развития общества. Поэтому я хотел бы о культуре сказать именно это.

Итак, уважаемые коллеги, на этом я хотел бы завершить свой пламенный спич и сказать, что, к сожалению я не смогу до конца семинара пробыть, потому что завтра еще другой семинар в другом городе, я уеду чуть пораньше. Но я хочу послушать основные доклады и может быть, коллеги, если можно будет какие-то вещи, замечания обсудить и учесть, буду рад их получить. Я хотел бы, если такие замечания будут, а я до них не "досижу", чтобы нам их передали, чтобы мы их обработали, почитали, посмотрели, пообсуждали еще раз. Чтобы, прежде чем что-то писать или что-то выносить на суд Божий и научной общественности – как говорится, широкой общественности, я бы хотел, чтобы мы на этом семинаре еще раз выверили свою институтскую или «около этого» позицию.

Спасибо!

А.И. Колганов,
д.э.н., профессор, заведующий лабораторией
сравнительного исследования социально-экономических
систем МГУ им. М.В. Ломоносова

(Стенограмма выступления)

Добрый день, уважаемые коллеги!

Надо сказать, что и выступление Сергея Дмитриевича, и книга, с которой я подробно знакомился, наталкивают на достаточно серьезные размышления.

Я начну хотя бы с определения основы современной экономики как индустриального производства. Надо сказать, что этот тезис довольно часто оспаривается. Одни продолжают придерживаться идей, которые высказывались в рамках концепции постиндустриального общества; и для них достаточно, что удельный вес индустрии в ВВП сократился. Для них это – достаточное основание говорить о постиндустриальном обществе. Хотя, если мы посмотрим на технологическую структуру производства, то мы увидим, что в так называемых отраслях обслуживания господствуют те же самые индустриальные технологии, и даже не те же самые, что в промышленности, а еще более примитивные. Но тоже индустриальные. Ну скажем, в торговле какие технологии? Постиндустриальные, что ли? А в погрузочно-разгрузочных работах, а на транспорте? А, извините меня, в гостинично-ресторанном сервисе? Там – что, постиндустриальный труд? Там – в лучшем случае индустриальный примитивный, а в большинстве случаев – и доиндустриальный, ручной. Поэтому с этой точки зрения говорить о постиндустриальном обществе преждевременно.

Есть и другая позиция: ее адепты говорят о том, что – да, современное производство – оно пока на индустриальных технологиях базируется. Но новая технологическая революция – она открывает перед нами постмашинную эпоху. Надо сказать, что и этот тезис для меня сомнителен. Потому что, действительно, главная характеристика индустриального производства – это его характеристика как производства машинного, производство продуктов и услуг, в том числе самих машин, при помощи машин.

И главная характеристика машинного, в отличие от ручного, труда – это наличие передаточного устройства, что определяет опосредованное воздействие человека не только на сам предмет труда, но и на рабочие руки. Т.е. длинная цепочка получается. И характер этого воздействия определяется как раз характеристиками передаточного устройства. Но если понимать машинные технологии исключительно как технологии механические, то это слишком узкий взгляд. Сторонниками теории постмашинного производства современные технологии 5-6 уклада трактуются очень часто как постмашинные. Почему? А вот говорят, мы имеем дело не с искусственными устройствами типа машин, а с некоторыми природными процессами, контролируемыми человеком. Но, извините меня, с этой точки зрения, паровая машина – это пример постмашинной технологии. Потому что мы имеем там дело с химическими процессами теплового расширения агрегатного состояния воды до водяного пара, а не только с механическими движениями. То же самое – любые электрические машины, с этой точки зрения, – не машины. Любые, скажем, технологии обработки пищевых продуктов – это не машинные технологии, и т.д., и т.п. Вся химическая индустрия – это не промышленность машинная, а это что-то постмашинное. Это достаточно нелепый взгляд. Совершенно не обязательно передаточное устройство в машине должно представлять собой исключительно механическое устройство, оно может представлять из себя и химический, и биологический процесс, и средство контроля за этими процессами, и средства регулирования этого процесса.

С этой точки зрения любые современные технологии обозримые – это технологии машинные. Единственное, где можно увидеть дверку в постмашинное будущее, это там, где в технологический процесс встраиваются когнитивные процессы, которые, конечно, не машинные, процессы переработки информации, знаний. Вот там – да, мы открываем дверь в постмашинное будущее. Но пока это очень отдаленная перспектива, и в обозримой, среднесрочной перспективе, практически на 99,9% базовыми технологиями останутся машинные.

Когда мы говорим о том, что сейчас мы переходим в новое состояние общества, в новую генерацию индустриального общества, вторую генерацию индустриального общества, это не значит, что мы

переходим в постмашинное будущее. Это генерация все-таки индустриального способа производства. И главное здесь заключается в том как раз, что эта новая ступень – эта ступень значительно более знаниеемкая, чем прежде. И она, на мой взгляд, как раз и является той ступенью, за которой может открыться уже постмашинное будущее, и именно потому, что современное индустриальное машинное производство второй генерации как раз является чрезвычайно знаниеемким.

Но на новую генерацию индустриального способа производства, на НИО.2, я не могу смотреть только под углом зрения его технологического облика. Или под углом зрения тех институтов и экономических отношений, которые содействуют технологическому прогрессу. С моей стороны, способ производства есть к этому не сводится. Потому что для меня всякое производство есть в первую очередь производство самого человека, его общественных отношений. Я с этой точки зрения был и остаюсь марксистом. И с моей точки зрения, в каждом способе производства заключены довольно серьезные противоречия, которые, с одной стороны, являются источником его развития, а с другой стороны, в конечном итоге приводят к смене данного способа производства другим.

Новый уровень знаниеемкости материального производства на ступени НИО.2 основан на характеристике знания как неотъемлемой части продукта. Это было всегда. Всегда человеческая деятельность покоялась на том, что распредмечивание и опредмечивание были имманентными характеристиками трудовой деятельности человека. Т.е. раскрытие в предмете его закономерностей и характеристик и потом воплощение этого знания в продукте человеческой деятельности. Распредмечивание и опредмечивание. Что означает под этим углом зрения возрастание доли знаний в продукте? Это значит, что деятельность по трансформации природного материала становится относительно менее значимой по сравнению с процессами распредмечивания, обретения необходимого знания о предмете и опредмечивания. Причем процесс опредмечивания тоже характеризуется ростом знаниеемкости, потому что он оказывается сопряжен не с некими заученными операциями, не с действием человека, как определенным образом выдрессированной силы природы, если пользоваться выражением Маркса, а включает в себя и применение

знаний. Без приложения знаний к процессу производства, когда последний оказывается уже в новом технологическом уровне, оно просто неосуществимо.

Недостаточно выучить, какие кнопки нажимать. Современная технология уже не может основываться на тех принципах, на которых основывался фордовский конвейер. Когда там человека быстро натаскали на какие-то шаблонные операции и все, хватит, можно работать. А сейчас человек не может выступать как контролер-регулировщик производственного процесса, или точнее природного процесса, превращенного в автоматический процесс, если он постоянно не применяет знания об этом процессе. Без понимания существа этого процесса управлять им уже становится невозможно.

Несколько слов о потенциале насыщения потребностей. Надо сказать, изменение характера отношений потребителя и производителя с точки зрения нового потенциала насыщения потребностей не может ограничиваться прежними экономическими механизмами. Нельзя ограничиваться ориентацией только на платежеспособный спрос или на агрессивный маркетинг, который навязывает или формирует потребительские предпочтения, а необходимо исследование потребностей человека и рационализация способа их удовлетворения, в том числе под углом зрения снижения материалоемкости совокупного продукта. Или, шире говоря, его природоемкости, чтобы ослабить нагрузку на окружающую природную среду. Только в этом случае заключенная в технологическом прогрессе возможность все более широкого удовлетворения человеческих потребностей не обернется ресурсным истощением и лавинообразным ростом отходов.

А вот обеспечивает ли такой подход современная рыночная среда? Я очень сильно сомневаюсь. Если мы обратимся хотя бы к такому факту, как глубокая дифференциация доходов, которая не позволяет многим удовлетворять свои потребности, несмотря на наличие технологического потенциала для их удовлетворения. Если мы посмотрим на противоречие между центром и периферией мирового хозяйства, когда страны ядра мирового хозяйства обеспечивают большинству своего населения достаточно высокий уровень удовлетворения потребностей, а огромная часть населения земли не имеет, скажем, доступа к чистой питьевой воде хотя бы.

И наконец, формируемая современными рыночными отношениями погоня за ложными, навязанными потребностями, она тоже препятствует реализации потенциала удовлетворения потребностей человека.

Затем. О непрерывности инновационного процесса, заложенного в современном технологическом базисе. Он возможен только в том случае, если каждый участник этого производственного процесса на всех его стадиях выступает и как участник инновационного процесса, а не просто как исполнитель заданного инноваторами некого нового шаблона. Тогда будет возникать постоянный обратный импульс от производителя к разработчику, который будет инициировать продолжение инновационной деятельности. Не только погоня за удовлетворением запроса потребителя будет импульсом для инноваций, что очень часто приводит к появлению таких имитационных инноваций, якобы новые продукты производятся для того, чтобы потребителю дать что-то якобы новое и тем самым получить его денежки в свой карман, а вот этот непрерывный импульс от всех участников производственного процесса к разработчику. И практически все участники производственного процесса становятся соучастниками совершенствования и разработки новых продуктов и новых технологий.

И это, кстати говоря, является еще одним аргументом в пользу идеи интеграции производства, науки и образования, созданию на уровне основного производственного звена научно-производственно-образовательных комплексов, на мезо-уровне – сетевого объединения таких комплексов, и на макро-уровне созданию механизмов программно-целевого управления крупных народнохозяйственных проектов. Вот тогда все эти стадии и все участники процесса будут работать на рост инновационного потенциала.

И последнее. О необходимости технологической революции для России. Я должен сказать, что проблема заключается не просто в создании принципиально новых технологий с заманчивыми свойствами, вроде 3D-принтирования, а в разработке на их основе комплекса материальных средств, способных эффективно заменить применяемые ныне технологии прежних поколений. Надо сказать, что СССР имел опыт разработки таких проектов крупных в крайне

сжатые сроки: проект замены паровозной тяги на железных дорогах теплоэлектровозной, замена кирпичного домостроения крупносборным, замена элементной базы в радиоэлектронике с ламп на полупроводниковые компоненты, замена поршневой авиации на реактивную и т.д. Все это проводилось очень быстро, в очень широких масштабах и в очень сжатые сроки.

Вывод. Нам сейчас нужны проекты такого же, если не большего масштаба, и в не менее быстрых, не менее сжатых сроках исполнения. Если мы не собираемся капитулировать заранее в схватке за технологическое лидерство. С этой точки зрения реиндустириализация России является абсолютным императивом, ибо без нее не будет создана та технологическая и кадровая среда, которая будет способна генерировать инновации, обеспечивать их распространение, приживаемость и создавать на них реальный спрос. При этом я должен сказать, что технологический рывок при всей его важности – это все-таки не самоцель. Технологический процесс нам ценен такой и постольку, поскольку он открывает дорогу развитию каждого человека. Спасибо.

М.И. Войков,
д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии
Института экономики РАН

(Стенограмма выступления)

Я начну сразу с полемики с предыдущим, Андрея Колганова, тезисом о том, что нам нужны новые технологии. Я думаю, нам сейчас надо хотя бы, по крайней мере, восстановить то, что мы потеряли за последние 20 лет. А потеряли мы в индустрии очень много. Я вспоминаю, где-то в середине 90-х годов у нас была дискуссия с либеральными экономистами. В. May там был, может быть, профессор Бузгалин помнит, это было в гостинице "Балчуг". Мы говорили тогда, национально ориентированные экономисты, что мы начинаем в середине 90-х годов терять промышленность, там – доменное производство закрылось, другие примеры. На что Владимир May говорит – ну и хорошо, зачем нам доменное производство, мы идем в постиндустриальное общество, нам не надо эти все промышленные производства. Но мы-то оказались в результате в доиндустриальном обществе. Я после окончания института года три работал в одном отраслевом институте. Он был большой, на мой взгляд – не 200, нет, 2000 человек было. Я удивлялся – что они все делают, когда я видел, что они чай пили. Но часто они ездили в командировки. Это был институт министерства приборостроения. Они ездили по разным заводам, и только потом до меня дошло, через несколько лет, что они там вообще-то проверяли приборы. И когда закрыли отраслевые институты, у нас и приборостроение вообще закрылось! И мы стали покупать, ну, кто мог, импортные приборы, и начались техногенные катастрофы в нашей промышленности: там взрывается, там чего-то не работает. Т.е. мы остались без приборостроения. Сейчас электронная, электротехническая промышленность в "гниющем" положении. Вот без этих продвинутых отраслей индустрии, основы того, в чем, как я понимаю, состоит то, что Сергей Дмитриевич Бодрунов называет «Новое индустриальное общество-2», Россия просто не выживет.

Еще что-то осталось. Когда мы запускаем ракету, называемую «Калибр», которая с Каспийского моря попадает в Сирии в форточку, – это очень высокие технологии. Там и знаний много, и

много чего есть. Но это... Сколько там ракет пустили? 6, 7 – и все. А вся остальная страна остается на уровне почти доиндустриальном. Поэтому я очень поддерживаю и сегодняшний доклад Сергея Дмитриевича Бодрунова, и книжку, и другие тексты, где он пишет и выделяет, что [читает] «материальное производство остается основой самого существования экономики». Это – безусловно правда, это – совершенно правильно. И, может быть, Сергей Бодрунов – один из немногих, а может даже единственный, кто очень активно и глубоко разрабатывает эту проблему. Россия без промышленности, без индустрии вообще-то не выживет.

Однако, я бы сказал, есть у меня и некоторые вопросы к текстам С.Д. Бодрунова. Например вот этот термин – «знаниеемое производство» – в принципе правильный и хороший, но как-то он громоздкий какой-то. Чего-то надо придумать, название. Потом вот еще такой вопрос у меня. Вы пишете в одном из текстов: «нас ожидает снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых». Вот я думал – как это? Вот, к примеру, производится кирпич. Его и при Иване Грозном производили, и сейчас. А без кирпича, без тканей человек не может жить. Потому что нельзя жить в одних знаниях – надо что-то одевать, кушать, где-то спать. А как в производстве кирпича снижается потребность в сырье? Ну может статистически можно посчитать это, что снизилось, но я как-то очень сомневаюсь. И что, в производстве кирпича удельный вес знания со времен Ивана Грозного как-то вырос? Вот я тоже не очень понимаю. Может, и вырос, можно посчитать – ну, я под словом кирпич имею в виду строительные материалы, ну там, бетонный блок, пожалуйста, не важно что. Другое дело, что вот эти знания, которые нас окружают и которые в мобильном телефоне – да, там знаний больше, чем бетона и цемента, другого материала. Но вообще-то без мобильного телефона можно спокойно жить. Вот я приехал в Петербург, отключил его – знаете, как хорошо! Никто не дергает и не звонит. А вот без костюма и прочего даже по Петербургу нельзя ходить, холодно очень. Поэтому все-таки человек живет в мире вещей, в материальном мире. Правда, тут А. Колганов сказал, что производство человека, тоже это – важная вещь, но я задумался: а производство человека – это материальное производство? Или какое? Пусть Колганов подумает и ответит.

Насчет постиндустриального общества я полностью согласен с тезисом и пафосом С.Д. Бодрунова о том, что постиндустриальное общество – это пока еще слова. Это красиво, и все такое... Но я как-то посчитал, на 2000-й год – взял американскую статистику – сколько занято в отраслях "постиндустриального" общества. К ним я отнес образование, науку, культуру, еще тут А. Колганов правильно говорил – гостиничный сервис, торговля, там ничего постиндустриального нет. Так вот, в тех отраслях, которые можно отнести к "постиндустриальному" обществу, занято примерно около 18-20% от всех занятых в экономике. А в промышленности на 2000-й год тоже было занято где-то 20%, в сельском хозяйстве – 2-3% занято. В основном 40-50-60% было занято в торговле, сфере услуг и финансовой сфере, такое колоссальное количество занято. Но финансовая сфера и торговля – они были при Людовике XIV, ну и при Петре I тоже чего-то было, при Иване Грозном – не знаю, но тоже какая-то торговля была. Поэтому относить просто сферу услуг к "постиндустриальному" обществу, которая у нас тоже сейчас раздутая, я думаю, просто не правильно.

И тут я согласен с С.Д. Бодруновым, что для России сегодня главное – это развитие индустрии, но не индустрии такой, петровских времен, а современной, насыщенной знаниями.

И последнее, о чем я бы хотел сказать. Вот когда тут речь была в докладе С.Д. Бодрунова о конкуренции. В материальном производстве конкуренция есть, и это понятно. Эти проблемы в материальном производстве изучает экономическая наука, предмет ее изучения – это материальное производство. Если материальное производство куда-то уходит, ну, скажем, малый удельный вес занимает, то что изучает экономическая наука? В образовании нет конкуренции, в докладе С.Д. Бодрунов тоже говорил, что знания там не конкурируют. Потому что, к примеру, вот С.Д. Бодрунов сделал хороший интересный доклад, и второй человек тот же самый доклад делать не будет. Зачем? Мы уже знаем его, этот доклад, и надо другие идеи предлагать. Вот если в производстве кирпича можно конкурировать – один сделал такой кирпич, другой – лучше или хуже, есть конкуренция, то в знаниях нет конкуренции. Нет конкуренции – нет экономической науки. Что там изучать? Там могут психологи изучать, социологи, это их дело. Но вот вопрос: когда придет "общество знаний", что будет делать экономическая наука и зачем она там? Я вот, откровенно говоря, не знаю. Спасибо.

Г.Н. Щаголов,
д.э.н., профессор Международного университета в Москве

(стенограмма выступления)

Спасибо.

Замечательный зал, действительно, не могу не сказать. У нас в Москве тоже есть такой Дом ученых, но, пожалуй, такого красивого зала там нет, там несколько их есть, но они маленькие. Очень приятно здесь находиться, и я вижу вот лица многих здесь – и друзей, и знакомых.

Хотел немножко так начать с того, что те вопросы, которые сегодня обсуждаются – они, конечно, очень такие злободневные, и на них в общем-то важно остановиться. Идеи в докладе – они вызывают вопросы, заставляют думать.

Действительно, общество меняется. Жизнь изменяется все время. И это – не только сейчас, это было и раньше. Вот К. Маркс, которого упоминали уже здесь, 150 лет назад говорил о том, что «теперешнее общество – то общество! – не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и постоянно находящийся в процессе превращения». И это идет постоянный процесс.

Причем, чем дальше мы живем, тем кажется, что изменения идут все быстрее и быстрее. Действительно, это не только, если кто-то смотрит «Уральские пельмени», там, Машку, или что все дети только и смотрят в эти самые гаджеты и уже ничего не видят. Это какие-то и болячки, и приметы нашего времени. Или вот эти, там, покемоны, или что-то подобное. Нет, понимаете, совершенно люди живут в другом времени. Вот возьмите современное предприятие. Вот Сергей Дмитриевич – крупный предприниматель, и конечно, мне очень импонирует его не только научная позиция, но и гражданская позиция. Он вообще мог бы не заниматься ни наукой, ничем, а вот как-то так сочетает это. Таких людей не так много у нас в России, хочу вам сказать.

И вот понимаете, какая история происходит! Что же, куда же мы идем действительно? Эта тематика – тематика индустриализации, она ведь запутанная и спорная. Вокруг нее – споры. Действительно, уже Михаил Илларионович называл человека, который говорил, что

не нужно индустриализации? Кто? В. Май говорил. А я помню и другого человека, Г. Грефа, который тоже говорил так же: надо продавать нефть и газ, а остальное мы купим. Это – слова. Теперь-то они это не говорят! Потому что страна теперь находится в глубоком кризисе. И кто прав?

Мы хотим, но не можем из этого выйти. Конечно, те, кто возглавляет экономический блок правительства, понимают, что надо как-то выйти из этого положения. А может и не очень понимают, а может путей не видят. И мы, значит, находимся в состоянии кризисном. Это же деградация у нас. Вот вы же приводите в вашей книге последней, Сергей Дмитриевич, информацию по поводу станкостроения. Это же ужас просто – что было когда-то и что с нами теперь стало. Это же – "голый король", полностью, ничего нет у нас.

Я хочу сказать – это действительно позорище, что мы "разделись". И это вот – результат глупостей, которые мы делаем. А жизнь – она ведь действительно взаимосвязана. Нельзя вот так шоры поставить и смотреть только на экономические проблемы, потому что это связано и с политическими, и с идеальными ошибками, и с другими. А они такие, как вам сказать, – системные ошибки. То, что с нами случилось и почему мы сейчас так деиндустриализировались, и почему мы вот так должны и говорим об этом.

Все началось, вся эта штука, в 90-х. В 91-ом году вот эти преобразования – перестройка и прочее, они пошли не по тому пути.

Мы обычно как бы так говорим о наших проблемах. Но, конечно, надо посмотреть шире на мир – а неужели нельзя было сделать все иначе? Можно было. С коллегами, с которыми мы сидим здесь, в прошлом году мы были тоже в Китае. Вот вам страна – одна из тех, кто, как и Вьетнам, и другие, которые преобразования сделали, но сделали разумно. Шараханье из стороны в сторону приводит к неприятностям. Золотая середина – это не пустые слова. Это реальность. И в связи с этим я хотел сказать, что относительно постиндустриализма, о котором говорят многие наши всем известные ученые, есть зашоренность. Вот Вы были в Тамбове, Сергей Дмитриевич? Ну вот очень приятный там человек – Юрьев, который учебное пособие написал. И как Вы думаете, какая последняя глава в его "политической экономии", претендующая на учебное пособие? Как Вы думаете, какая? Если раньше был бы

учебник такой, 50 или 35 лет назад, в нем была бы глава, которая бы называлась «постепенный переход к коммунизму». А сейчас в этом учебнике написано: «переход к постиндустриальному обществу».

Я придерживаюсь той же концепции, что, конечно, так нельзя вообще говорить об этом. Был такой, конечно, Белл, и были у него последователи, о которых мы тоже знаем. Ну и что? Но дело не в этом даже. Ведь, вообще, если говорить о новой какой-то формации, ученый вообще должен быть жестким. Если он говорит, что мы переходим к постиндустриализму, то тогда давайте, скажите тогда – я отрицаю формационный подход, вот все, что было раньше, надо выкинуть. И тогда, значит, мы начнем с нового листа. Такие были и у нас тоже академики, очень известные. Они говорили, что надо придерживаться "здравого смысла". Но значит, мы плюем в науку тогда? Тогда вся наука, которая была создана, «смиты», «рикарды» и пр. – надо сказать, что мы на них плюем, они все – недоучки, идиоты. И отсюда все начинается.

Если же так не делать, тогда надо свои построения встроить в систему экономической науки, которая существует. Без системы вообще тогда нельзя говорить о науке. Если ты что-то пропагандируешь или что-то открываешь, ты должен видеть свое место в научной системе.

Вот я вам хочу сказать, что есть формационный подход. Был он. Остается или нет? Ну, сейчас часто еще говорят, что существует цивилизационный подход. Но разве они не уживаются вместе? Даже Маркс говорил относительно не только первобытного, рабовладельческого и феодального строя, но и еще об одном строе он говорил, кроме капитализма. О каком? Азиатский способ производства. Это – уже цивилизационное, это уже поклон в эту сторону.

Поэтому мне кажется – в чем основная сложность в этих рассуждениях и в нашем видении грядущего? Ведь видение грядущего – это не только, когда мы как-то что-то обозначим; есть масса других терминов – информационное, общество знаний и пр., но мы должны посмотреть еще на одну сторону. А именно – какие общественные отношения меняются между людьми. Если нет перемен, то выводить отсюда новый способ производства, новый строй – это немножечко ставится под вопрос.

Да, у всех у нас сейчас могут быть в карманах эти айфоны 7-го поколения, но отношения между людьми не изменились от того, что у тебя 7-ка, 5-ка или "нокиа", или, как 20 лет назад, этого гаджета не было вообще. Или? Да, отношения меняются, но надо сказать, как они меняются. Моя точка зрения такая, что все-таки у нас действительно существуют изменения, но я имею в виду – не у нас. То, что у нас – это позорище существует. У нас сформировалось не просто то, что мы там вот какие-то пленники рыночного фундаментализма, которые вот сейчас стоят у власти и проводят политику такую, что нас гонят в пропасть. Нет, у нас сформировался определенный строй, мы живем в условиях определенного строя, и поэтому те, кто находится у власти, они абсолютно не думают об этих индустриализациях и прочем. Интересуют их другие вещи. И они, конечно, образуют особую касту, особый класс, и ничего зазорного, ничего бранного в этом нет. Это надо констатировать. Мы живем в условиях олигархического капитализма. Это – слова, которые определяют суть его. Да, он эволюционирует в направлении бюрократического, и отсюда, как говорится, все эти вещи, о которых будет писать еще не одну книгу о деиндустриализации Сергей Дмитриевич. Они будут отвергаться, им это неинтересно читать. Им вот даже если бы Бог бросил какую-то истину – отвергнут, у них совсем другие интересы. Понимаете, это надо учитывать. Тут вот такой момент существует, присутствует.

А что могло бы быть? Ну, рая нет на земле. Я вот коммунизма тоже искал, ищу и не вижу. Я бывал и в Северной Корее месяцами, и на Кубе – очень хорошо, но все-таки коммунизма нет. А вот что есть, более-менее, и что, наверно, тоже может быть в будущем и у нас, если мы пойдем правильным путем и начнем двигаться в верном направлении, сказав правду о наших ошибках, то это – интеграция лучших черт предыдущих формаций, прежде всего формации капиталистической и социалистической. Вот сегодня никто не говорил, что у нас был социализм 70 лет, это уже ясное дело. Но надо сказать о том, что в той системе были великие преимущества, которые мы разделяли. А сейчас мы наплевали в свое прошлое, выкинули все к чертовой матери и взяли зады из капиталистической системы.

В некоторых странах других этого не сделали. Причем, и в наших постсоветских тоже; ближайшие соседи, Белоруссия и

Казахстан, тоже так не сделали. Вьетнам так не сделал, Китай не сделал. Они сохранили лучшее из прежнего, постарались сохранить лучшее и плюс взять то, что можно использовать хорошего из капитализма – хорошие рыночные капиталистические, надо сказать, регуляторы. Ничего плохого в этом нет, они создают проблемы, но не такие уж серьезные. И вот у них получается. Почему у них получается? Получается только потому, что они понимают эти законы и стараются их использовать в интересах развития экономики.

Вот поэтому эти страны, как и семьи некоторые (счастливые семьи похожи друг на друга, как говорил один мужчина по имени Толстой), так и страны тоже похожи. У них у всех – плановые экономики, которые они не раскрутили, как мы, и не превратили это слово в зазорное. Но они планируют умно, разумно, ограниченно и добавляют рыночные регуляторы, которые, как педаль газа, наполняют паруса их экономики, и они идут вперед. Они обгоняют других.

И в Индии так же. Там нет коммунистической партии. В Индии идет 12-я пятилетка сейчас. И тем не менее в городе Бангалоре программисты работают ночью, потому что они выполняют заказы американских и английских корпораций. И ничего в этом плохого нет. И страна идет вперед. И у нее социальные проблемы решаются. Да, у них много бедных, это все так. Но их становится меньше из года в год, и жизнь в целом там улучшается. И они вот, как в аэродинамике самолет, – он знает, что существуют законы тяготения, но он тем не менее из одной точки попадает в другую! Он не отрывается и не уходит в космос и не падает на землю, потому что он знает законы. И они используют экономические законы.

А мы вообще не говорим об объективных законах сегодня. А объективные законы существуют, мы их знаем по капитализму хорошо, но мы имеем и объективные законы социализма, которые тоже надо знать и которые тоже надо учить. Например, закон планомерного и пропорционального развития. Он никуда не делся. Если вы планируете, это значит, что вы применяете его, если вы не планируете, как мы сейчас, это значит – вы его выкинули. А тот, кто стреляет в свое прошлое из пистолета, в того будущее стреляет из пушки.

**А.Е. Городецкий,
д.э.н., профессор, руководитель научного направления
«Институты современной экономики и инновационного
развития» Института экономики РАН**

(стенограмма выступления)

Уважаемый Сергей Дмитриевич, уважаемые коллеги из президиума, уважаемые коллеги, присутствующие здесь на семинаре, я хочу вас всех поприветствовать, передать пламенный привет от нашего неизменного директора и научного руководителя Р.С. Гринберга с его извинениями за отсутствие, о чем он очень сожалеет.

Мы готовились к этой дискуссии, и мне хотелось бы поделиться своими некоторыми серьезными соображениями. Я очень положительно и с большим интересом ознакомился с присланными материалами, и они, конечно, будят очень много полезных мыслей и соображений.

Что бы мне хотелось сразу отметить. Мне кажется очень серьезным и очень плодотворным обращение к нашей отечественной теоретической культуре, методологической традиции, сложившейся в марксистской школе, в тех научных исследованиях, тех разработках, которые делает уважаемый Сергей Дмитриевич.

Мне представляется, что разрывы в методологической культуре, в методологических традициях – они приводят к оскудению научного знания. Они приводят к тому, что экономическая наука во многом вырождается, теряется значение и роль политэкономии как царицы наук, как ее в своих ранних работах называл А.В. Бузгалин. И в этом плане мы за внешним прагматизмом и за внешним рационализмом теряем что-то очень важное и сокровенное, то, что идет от фундаментального политэкономического знания.

Я хотел бы отметить, что именно в силу этих трендов за последние 25 лет мы опять в очередной раз сталкиваемся с такими вот сакральными вопросами – что за общество, в котором мы живем? С констатациями, что мы не знаем общества, в котором мы живем. Мы понимаем и чувствуем очень остро и глубоко, что страна

стоит перед очень серьезными модернизационными вызовами, но разобраться в том, что такое есть эта модернизация, какая модернизация нам нужна, как реально запустить и привести к желаемому концу эту модернизацию, – мы это тоже представляем себе не очень отчетливо.

И я приветствую ту критику постиндустриализма, которая исповедуется в работах Сергея Дмитриевича. Мне кажется, мы здесь тоже, постоянно используя тот категориально-понятийный аппарат, сложившийся в зарубежных школах, не всегда понимаем, о чем речь идет, и не всегда понимаем, в чем слабости этих концепций. К тому, что уже было сказано в плане критики постиндустриализма, добавлю. Я вот в ходе участия в наших семинарах, в ходе ознакомления с работами соответствующими, понимаю, что речь идет не просто о переходе от одной стадии к другой, не просто от того, что мы как-то упрощенно это понимали, этот постиндустриализм. Но что мы точно недооценили – это то, что мы рассматривали постиндустриализм в контексте отдельных более благополучных стран, которые уже начинают жить, как римские патриции, прикормленный плебс за счет периферии капиталистической системы, а глобальный капитализм оставался таким, как он есть. И сегодня, в эпоху перемен, в эпоху кризисов, в эпоху вызревания вот этих новых моделей, конечно, все эти вещи выплывают наружу, все они становятся более-менее очевидными, и, наконец, будят нашу экономическую мысль.

Второй момент, который я хотел здесь отметить – это обращение к теме материального развития, материального производства, реального сектора и формулировка вот этой концепции Нового индустриального общества 2.0. Мне кажется, что это можно считать достижением сегодняшней политэкономической мысли. И прежде всего не только потому, что мы действительно стоим перед вызовами новых технологических и структурных революций, но потому, что вот опять-таки появляется то безотчетное понимание, что сегодня нам не обойтись без возрождения реального сектора, без возрождения наиболее важных стратегических отраслей, которые составляют ядро, сердцевину этого сектора. Мы не можем самоопределиться в этом плане.

Ну, конечно, можно сколько угодно говорить о реальном секторе, но здесь нужна четкая вообще научная доктрина. И когда

мы получаем вот такую методологическую схему, о которой идет речь в концепции С. Бодрунова, его доктрине нового индустриализма, нового индустриального общества 2.0, то мы находим здесь место и реальному сектору, мы находим место и тому, что мы связываем в качестве надежд на развитие наиболее важных для нас отраслей. И возникает такое уже теоретическое знание, и возникает некая предпосылка к концепции, которая может быть уже положена на язык соответствующих документов и концептуальных построений.

Я здесь еще хотел одну вещь отметить. Вот то же самое, мы опять-таки запутались в инновационной терминологии, инновационных понятиях. Опять-таки эти разговоры о переходе к инновационному развитию. С одной стороны, я хочу напомнить, что вообще-то весь 20-й век прошел под эгидой революций – прошу прощения, научно-технической революции, в 70-е годы – структурной и технологической революции. Мы забываем о том, что они сопровождались на фоне революций в управлении, когда практически все – и уровни государственного управления, и корпоративного управления подверглись значительной реформации.

И здесь, конечно, речь шла не просто об инновационном развитии, а о некоторых революционных сдвигах. Мы сегодня тоже стоим перед такой ситуацией, когда мы говорим о переходе к 6-му технологическому укладу, говорим о 7-м технологическом укладе, и т.д. Но мы действительно стоим и перед лицом вот этих грядущих революций, и здесь тоже надо понимать себе масштаб явлений, содержание явлений, и то, что мы имеем как вызовы и определенные цели и задачи. И вот здесь вот я тоже вижу определенный положительный смысл, когда мы это начинаем рассматривать в русле четкого методологического аппарата.

Я хочу напомнить, что вообще-то в Советском Союзе тоже был разрыв методологической традиции. Был выдан очень интересный подход – как это сказать? – очень интересная теоретическая основа для осмыслиения этих явлений, не буду подробно об этом говорить, но вот тема развития научно-технического прогресса, создание оборота научно-технического прогресса от науки до производства, понимание того, что у научно-технического прогресса в рамках этих кругооборотов имеются свои внутренние ресурсы развития было очень важно для выстраивания

тех экономических политик и систем долгосрочных документов, которые были созданы в 70-80-е годы. И, кстати говоря, именно тогда была создана масштабная программа, социально-экономическая программа развития НТП до 2005г., на базе которой были созданы многие те заделы, которыми до сих пор пользуется уже новая Россия. И вот здесь мы тоже должны видеть всю сложность сегодняшних проблем и привлекать к этому, конечно, весь тот методологический материал, о котором я недавно говорил.

Я очень приветствую вот ту кристаллизацию понятия «знание», которая – и в понятии «знаниеемкости», и – в понятии «знаниеэффективности», в приложении к соответствующим компонентам НИО.2. Знание, действительно, выходит за рамки понятия как творческого продукта чистой науки. Знание как вот этот интегральный результат деятельности людей, или как вот Андрей Иванович сказал, – совокупный результат опредмечивания творческих сил человека, он, этот результат, конечно, связан и с наукой, и с образованием, и с культурой, и с медициной, со всем комплексом тех отраслей и видов деятельности, которые называются условно социально-экономическая, социально-культурная инфраструктура. Именно вот этот духовный, культурный "знанияевый" продукт составляет ту компоненту продукта, которую в данной работе называют как "знанияевая" часть. И отсюда надо делать полезные выводы. Естественно, что если мы будем «гнобить» те отрасли и тот сектор, который создает этот продукт, так, как мы это делали в ходе институциональных реформ в первое 10-тилетие 2000-х годов, то вопросы по поводу модернизации, по поводу создания нового индустриального общества можно закрыть.

Очень коротко о том, с чем можно, ну так скажем деликатно, спорить. Мне вот тоже показалось, что все таки здесь есть некий избыточный технократизм, и вот эта волшебная сила науки и волшебная сила вот этого научно-технического развития, научно-технического прогресса, она решает многие социальные проблемы. Мне кажется, это все-таки не так. Ну, я приведу один пример. Вот в тексте тезисов говорится о том, что планирование, стратегическое планирование, программирование способно сглаживать и регулировать социальные конфликты таким образом, чтобы, во-первых, сглаживать социальные противоречия и конфликты,

а с другой стороны – спрятать вот это вот научно-техническое развитие в желаемой сфере.

Ну, я приведу только один пример в этом плане. Вот сегодня действительно складываются предпосылки для перехода к новой модели, в которой радикально меняется вся расстановка регулирующих систем. Сегодня у нас бюджет, и сколько дадим – за столько и будем делать. Сегодня, когда складывается вот эта система – ядро стратегического планирования, – соответственно, меняются и приоритеты. Т.е. – сначала задаются приоритеты, а потом система обеспечительных видов и сфер деятельности должна предоставить соответствующие ресурсы. И вот здесь вот, как сегодня готовится, вернее, как это предусматривается в новых документах, готовящихся в лоне Совета безопасности, здесь имеются три как бы таких измерения. Это – концепция социально-экономического развития, это – собственно государственный стратегический план, стратегия национальной безопасности, это – стратегия экономической безопасности, вариант которой, совершенно безобразный, подготовило министерство экономики, и это – стратегия регионального развития, экономического федерализма, которую никак не могут завершить и которая, как говорят те, кто участвует в подготовке этой стратегии, еще хуже выглядит, чем стратегия экономической безопасности. Ну и – стратегия геополитического развития, и т.д. Вот вокруг этих документов разворачивается такая борьба! Здесь есть все – и саботаж, и коррупция, и просто недобросовестное «творчество» над текстами, и все такое прочее. Я это говорю к тому, что многие вещи, конечно, надо рассматривать через призму политэкономии и умение видеть через борьбу систем и интересов, через противоречия, через преодоление противоречий и т.д.

Я понимаю, что, конечно, мы сегодня в этом плане располагаем всем инструментарием правового и демократического государства, всеми средствами воздействия на процессы, связанные и с политической деятельностью власти, и с инициативами гражданского общества. Но нужно конечно быть готовым и к достаточно серьезным мерам, потому что, скажем, то, что происходит в области коррупции – это вообще можно считать политическими диверсиями, когда важнейшие проекты страны

становятся жертвами вот таких вот политических диверсий, а не просто разворовыванием и распилом ресурсов.

Да, и, конечно, вот этот тезис – насчет того, что наука и знания будут в будущем как бы сглаживать конкуренцию... Не буду вдаваться в подробности, но история знает много случаев, когда именно из конкурентных интересов проявлялись тенденции очень мощные научно-технического прогресса и т.д. Здесь тоже нужно быть немножко pragmatичнее.

Последнее, что хотел бы сказать. Инструменты стратегического планирования – они требуют абсолютно другого государственного управления. Наверху – там постоянно какие-то заклинания – качество управления, качество управления... Надо сказать, что проблема реформы госуправления, как понимают они и как понимаем мы – это две совершенно разные вещи. Я завершу свое выступление тем, что мы глубоко проанализировали так называемую дискуссию про функции управления. Они дают совершенно неутешительный результат – нужны не просто реформы управления, а нужны реформы реформ управления, которые имели место опять-таки в 10-е годы. И здесь приблизительно по 6-ти, 7-ми, 8-ми направлениям нужна полная замена принципов этих реформ, начиная с того, что мы понимаем под государственным управлением и государственностью, и кончая такими вопросами, как, вообще, положение дел в структуре и единстве нашей власти, о взаимоотношениях группировок, федерализм, административный регламент, от в общем глубоко идеологических вопросов до глубоко административных. На этом позвольте закончить. Спасибо за внимание.

**Н.Ф. Газизуллин,
д.э.н, профессор Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, главный редактор журнала
«Проблемы современной экономики»**

(стенограмма выступления)

Глубокоуважаемые организаторы семинара! Благодарю Вас за приглашение к обсуждению столь важной для экономической науки и практики проблемы – путей и механизмов новой индустриализации.

Уважаемые коллеги! Мое выступление не было запланировано, но поскольку Александр Владимирович предложил мне выступить, я согласился. И вот в каком ключе я хочу построить свое небольшое выступление. Я являюсь последовательным и горячим сторонником восстановления политической экономии в нашем отечественном образовании. Ну и естественно в нашей науке. Политическая экономия, как мы ее понимаем – это действительно царица наук, это действительно мощнейшее методологическое и мировоззренческое основание для всех времен и народов. Поэтому без политической экономии в полной мере понять проблему современной ре-индустриализации, наверное, не вполне было бы правильным. Именно через политико-экономическое осмысление современных проблем, как это модно сейчас говорить, трендов, наверное и можно понять то место и роль новой индустриализации в современном российском обществе.

Теперь несколько слов о журнале «Проблемы современной экономики», который я возглавляю более 15 лет. И делаю я это в контексте обсуждаемой сегодня проблемы. Это нужно пояснить. Дело в том, что наш журнал имеет следующий подзаголовок: Евразийский международный научно-аналитический журнал. Не может быть общественной науки без мировоззрения, не может быть общественной науки без идеологии. По моему глубокому убеждению, такой очень перспективной для современной России идеологией и мировоззрением является евразийство. Вы прекрасно знаете корни этого учения, в последнее время появились очень серьезные труды, в том числе известных ученых – профессоров

Яковца, Глазьева и др. Но, для того, чтобы евразийство положить на экономическую платформу, просто говорить о евразийстве маловато. В этой связи хочу отметить, что сама структура нашего журнала построена на принципе системности, т.е. в каждом номере журнала от 18 до 20 тематических разделов, охватывающих практически все направления современной экономической науки. Тем самым мы стремимся восстановить системность нашей экономической науки. Почему? Потому что я глубоко убежден, что в 90-е годы из под нас как раз выбили или старались и стараются выбить самое главное наше преимущество – это умение системно мыслить. Если мы говорим о какой-то частной, пусть даже очень важной проблеме вне системы, это лишает нас методологического, мировоззренческого основания, с помощью которого можно это явление полностью охарактеризовать, описать перспективы его развития и предложить практические способы реализации.

Проблемой новой индустриализации мы тоже давно занимаемся, и года два-три тому назад вышла книга под моей редакцией, которая называется «Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты». И предисловие к этой книге имеет очень серьезное политico-экономическое обоснование, которое написал, светлая ему память, Леонид Соломонович Бляхман, наш выдающийся ученый, который являлся главным научным консультантом нашего журнала и написал целую серию серьезнейших статей в нашем журнале, посвященных новой индустриализации. В одной из них он обосновывает, что идея новой индустриализации должна стать национальной идеей современной России.

Безусловно, материальное производство было и останется базой существования любого общества. Это во-первых. Во-вторых, новая индустриализация должна быть основана на новейших высоких технологиях – это тоже аксиома. И вместе с тем, говоря о современных общественных отношениях и новом направлении ориентации России на Азиатско-Тихоокеанский регион, у нас возникла идея создания евразийской политической экономии, и в Санкт-Петербургском экономическом университете мы уже выпустили такой учебник. Он так и называется. Некоторые говорят – почему евразийство, почему евразийская политическая экономия? А почему английская политическая экономия, почему французский

утопический социализм – так можно называть, а евразийская политическая экономия, если под этим есть глубокие методологические и практические основания, связанные с новыми поворотами в geopolитике и геоэкономике – делать и называть нельзя?

Мы в нашем журнале давно развернули рубрику «Философия экономических ценностей. Проблемы самоопределения современной политической экономии». И я был нескованно рад, что под руководством Александра Владимировича Бузгалина создан новый журнал «Вопросы политической экономии».

Хочу отметить, что на наш учебник идут положительные отзывы, в том числе и с кафедры политической экономии МГУ. Замечательную статью в №3 (2016) написал В.М. Кульков, которая называется «О координатах развития евразийской политической экономии», где он как раз видит роль евразийской политической экономии, основываясь на диалектике Гегеля, как отсутствующую нишу в создании политической экономии в широком смысле. Такого раздела в политической экономии в широком смысле не было. Интересна и убедительна его аргументация в пользу существования политической экономии и в национальном масштабе. Оказывается, многие дореволюционные заведующие кафедрой политической экономии МГУ придерживались точки зрения Листа о национальной политической экономии. Наконец, евразийская политическая экономия дает направление и обоснование развитию евразийских процессов интеграции. На сегодняшний день другой теоретической основы евразийской интеграции нет. Кказанному следует добавить, что в №2 (2016) нашего журнала опубликованы выступления 16-ти спикеров Большой Евразии, в которых сказано: «Для строительства Большой Евразии нам западная теория не подходит». Особенно очень четко выразился спикер Ирана, который сказал, что нам нужна другая теория, основанная на сотрудничестве, взаимодействии, кооперации и учете взаимных интересов.

В завершение прочту краткую аннотацию учебника «Евразийская политическая экономия». Современные курсы политической экономии изучают либо принципы функционирования экономики западного типа, либо то, как развивающиеся страны должны копировать экономику Запада. Предлагаемый курс ориентирован на изучение фундаментальных оснований устойчивого

существования и самостоятельного развития экономик не западного, евразийского типа. Теоретический смысл учебника заключается в систематическом изложении законов азиатского способа производства на аграрной, индустриальной, информационной стадии. Практический смысл состоит в методологическом обосновании развития Евразийского экономического союза и подготовке специалистов, способных работать в рамках ЕАЭС.

Это наше направление в сторону углубления и расширения евразийской интеграции – одно из немногих, что у нас осталось после СССР, и я думаю, что над этим надо очень серьезно работать. Именно на этом направлении открываются большие перспективы и для новой индустриализации в России. Спасибо.

Ответы на вопросы

(стенограмма)

A.В. Бузгалин.

Дорогие друзья! Мы тут в президиуме, что называется, посоветовались и подумали, что будет неправильно, если докладчик уйдет, не прореагировав на те позитивные и критические замечания, которые прозвучали сейчас в связи с обсуждением ключевых положений его книги, его статей и т.д. Поэтому вот сейчас в кулуарах он уже начал дискуссию у меня за спиной, но думаю, будет правильно, если дискуссия как-нибудь выплеснется на общественную трибуну. Так что, Сергей Дмитриевич, прошу к барьеру, ответьте.

С.Д. Бодрунов.

Давайте я попробую с места, чтобы не выступать второй раз, и в живописном беспорядке попытаюсь какие-то вещи прокомментировать.

A.В. Бузгалин.

Мне справедливо намекают, что у нас есть еще другие дискутанты, и это очень правильно, поэтому мы обязательно вам дадим слово, уважаемые коллеги, чуть-чуть попозже.

С.Д. Бодрунов.

Я извиняюсь, что вот сейчас "влез" в середине дискуссии, потому что у меня самолет скоро, и мне надо улетать, но у нас еще Давид Беркович впереди, он у нас постиндустриалист, но он вел когда-то наш семинар, и я примерно понимаю, что он отметит, поскольку постоянно, каждую неделю, мы пересекаемся – вот только что в Москве перескались на выступлениях. И думаю, что я обязательно с ним поконтактирую после его выступления. Уважаемые молодые коллеги, те, кто пришел выступить, приношу свои извинения, но я попытаюсь сейчас в качестве ответов хотя бы на ту часть, которую успел прослушать, что-то сказать. Потому что многие вещи меня реально интересуют, очень цепляют, и это очень важно.

Первое. Если позволите, я хочу сказать не только о тех вещах, которые прозвучали в докладе, но и о тех, о которых у нас здесь возникло обсуждение. Знаете, наверно – это правильно, что многие люди, и не только сегодня, обращают внимание на терминологическую основу той, ну не знаю, платформы – я боюсь это большое слово говорить, – но тех идей, которые мы в институте развиваем. Критикуют нас в первую очередь за что? За неудобоваримую, так сказать, лексику, сложные термины. Я по этому поводу даже разразился в одном из журналов «Экономическое возрождение России» статьей, критикуя всех подряд за термины, и себя тоже. Вы знаете, термин должен быть точным, как говорил капитан Брунгель, «как вы лодку назовете, так она и поплывет». Термин должен отражать суть того явления, который ты хочешь этим термином обозначить. Но, коллеги, понимаете, "суетой" много, а слово – одно. Найти его, это слово, ну, два, в крайнем случае, очень нелегко. Не поэт я. И поэтому я посчитал, что суть важнее красоты терминов, когда начал писать, вот эти идеи все класть на бумагу.

В этом плане "знаниеемкость" продукта, "знанияентенсивность" технологий, и т.д. – вещи, трудно выговариваемые на русском языке. Мы, когда готовили доклад в Кембридже, с этим столкнулись – нам пришлось помучиться, а как же говорить это по-английски? То ли от knowledge, то ли от science, то ли что-то еще, что важнее в английском языке, что это отражает? Это, конечно, не очень хорошо, можно было англоизировать терминологию, но я считаю, что, если мы работаем в России и работаем с российской нашей аудиторией, термин должен быть понятен русскому нормальному человеку, обладающему русским языком. Пусть он сложный, но суть отражает, чем что бы то ни было еще. Поэтому я посчитал, что можно эти термины применять, и вот по этому поводу я отвечаю сразу всем коллегам, которые говорят, что лучше бы по-другому. Наверно – лучше, но я уже не один документ, роман целый, везде один и тот же терминологический набор применял, трудно будет менять. Может, кто-то из наших коллег придумает что-то получше – будем пользоваться.

Я бы хотел сейчас перейти к выступлениям, которые были, в первую очередь, к Михаилу Илларионовичу, который сказал про кирпич, бетон, телефон и другие вещи. Конечно я с ним согласен,

конечно, как я могу с Вами не согласиться и по поводу кирпича (*смех*), и по поводу телефона. Просто, знаете, когда говоришь быстро, и коротко обозначая явления, за этим прячутся многие вещи, смыслы, за каждым словом, а ты один смысл обозначил только. Здесь ситуация понятная – если мы говорим о продукции в целом, это – одно, если же говорим о конкретных продуктах, то – другое. Конечно, в кирпиче, я согласен – там меньше знаний, чем в айфоне. Но все же в сегодняшнем кирпиче знаний гораздо больше, чем в том, который был 300 лет тому назад. Кстати, развлечу вас, коллеги – "поэтому" тот, старый, лучше стоит кирпич, чем сегодняшний (*смех*) – вы слышали, в Италии землетрясение разрушило все, кроме старой церкви, построенной на старых технологиях – кирпич старый, не было цемента, а был яичный порошок, и т.д. Но – здесь и правда, и шутка; конечно, в сегодняшнем кирпиче больше знаний, чем в "древнем" – зайдите на современный кирпичный завод, сколько там всего – какие-то там присадки, просеивание и калибровка песка там, равномерность замешивания, дозаторы, машины, аппараты – смотрите, сколько там уже знаний, в этом кирпиче, который сегодня делают. Поэтому количество использованных знаний сегодня больше, в одном кирпиче, чем глины, из которой он сделан. Кстати, глины в современном кирпиче тоже меньше, чем в старом – он часто полый...

Вот здесь нюансы, которые трудно оценить, может быть, рублями и копейками, долями и процентами, но общее понимание такое есть. Тем более – это касается бетона, которого 200 лет назад не было вообще, а сейчас он есть, были другие материалы. Он появился, потому что возникли соответствующие знания, как ответ на потребность в расширении объемов строительства. Значит, появляются другие материалы, появляются другие вещи, сегодня того материала, старого традиционного натур-продукта, в традиционном использовании практически уже нет, совсем мало. А есть что? Огромное количество переделов, и все эти переделы базируются на знании, знание составляет основу всех этих вещей. Понятно, что мы не уйдем от материальной части никогда, я же об этом сказал, но доля будет ее в обобщенном продукте приближаться к минимальной. Поэтому потребность в таких натур-продуктах, сырье и будет снижаться в целом – относительно объемов выпуска продукта, "закрывающего" определенные потребности.

Я бы хотел осветить еще один момент важный – не только доля знаний в разных продуктах разная, но и темпы роста доли знаний в разных продуктах – тоже разные. И в какие-то периоды и доля знаний может падать. Более того, я бы отметил, что в истории нет этакого прямолинейного движения, мы как-то дискутировали с Александром Владимировичем на эту тему, скоро опубликуем наши мудрые мысли, почитаете. В истории есть и попятное движение, и петли, и что угодно. И в технологиях – то же самое. И в использовании технологий, организации дела – то же самое. И не всегда новое есть сплошное отрицание старого, чаще – это "смесь". Никто не мешает нам сегодня кизяк месить и дом строить в Средней Азии на тех же технологиях, что были 1000 лет назад. Или дома шкурить наждачной бумагой. Но это не значит, что в целом движение надо отрицать. И у нас вот в России целые десятилетия – определенное попятное движение в развитии экономики, состоянии индустриального сектора, чего хотелось бы избежать и о чем говорим и пишем годами. И это мне порой как аргумент приводят коллеги – не индустриалисты – дескать, нет движения индустриального вперед. И мы можем наблюдать повсеместнодискую смесь старого и нового. И не только, кстати, у нас. Однако это не отменяет глобальных трендов развития цивилизации. В целом, глобально, движение идет в ту сторону, которую я попытался описать в докладе, на мой полупросвещенный, в какой-то мере, взгляд – тут надо еще разбираться дальше.

Хотел бы остановиться на других вещах, которые я немножко упустил в своем выступлении – о том, что материальное производство влияет на общественные институты, и как. Всегда, на мой взгляд, изменения в базе, в материальной базе, в том числе – в производстве, организации и во всех этих компонентах продукта, так или иначе влияют на формирование всех вещей, для которых все эти знания применяются и все эти продукты, предметы делаются. Т.е. для отношений в жизни общества. А жизнь общества, она дальше регулируется институтами, "способами жизни" в рамках этих институтов, управленческими технологиями в социальной сфере и многими другими вещами, которые уже не относятся к материальной части впрямую, а вот такие, да. И поэтому, когда мы говорим о НИО.2, мы говорим не о технологическом только лишь

изменении, а об изменении общества в целом, об изменении тех институтов, которые влекутся, так сказать, изменениями технологическими, происходящими в базе. И не на данный момент, а – в динамике и перспективе. Вот отсюда, например, управленческие решения, если взять, институты. Отсюда берем, например, план. Георгий Николаевич написал недавно прекрасную статью в газете о возврате к планированию. Это – не петля времени, это просто развитие технологий, на мой взгляд, с моей точки зрения, привело к осознанию того, что план – это хорошо, а не плохо. Развалился, говорят, СССР. Почему? – плановое хозяйство, план, понимаете, не все можно было учесть, диспропорции, ну, не будем упражняться – здесь, понятно, что многие обвиняли Союз в том, что вот там планировали, поэтому он и развалился. Коллеги, развалился он не потому, что был план, а потому что был плохой план, несбалансированный, неотработанный. В нем было мало знаний, таких, которые необходимы были быть получены с развитием общества, которые надо было в тот план имплементировать, включить. В первую очередь – технологических – в нем не было технологий, которые позволяли бы его правильно построить: не было мощностей вычислительных, не было моделей таких, которые бы те знания, того времени, имели, которые можно было бы использовать в планировании нормальном. И не разработаны были многие институциональные вещи, которые из математики, скажем, могли прийти, и многое другое. Сегодня, уже сегодня – уровень знаний наших, технологических решений – такой, который может помочь многие вещи решить. И отсюда, мне кажется, в том числе, можно говорить о более высокой эффективности, возможности эффективного планирования – селективного планирования, индикативного, любых видов, которые могли бы позволить сочетать, как говорит Георгий Николаевич часто, рынок и план. Вот, собственно, ведь в этом пафос вашей статьи. Но – как это решить? Решить это можно на технологической основе.

К этому я бы добавил следующее, наверно, небольшое слово о том, о чем Андрей Евгеньевич говорил – о методологической основе. Какая модернизация нужна? Я как-то несколько статей писал еще на заре этих своих выступлений по этому поводу. Почему? Потому что первоначальная мысль моя была – как продвинуть идею НИО.2

в научную среду или куда-то в общество? Это соображение заключалось в чем? В том, что если я сначала начну говорить о платформе концептуальной, а не решения, рецепты какие-то предлагать, которые были бы более-менее осознанными и легко принятыми – не примут концепцию, не примут и дальше чего-нибудь еще, из нее вытекающего. Поэтому первоначальные книги, которые выходили у меня, и статьи – они касались вот этих вот вещей, реиндустириализации, этих тем – какая модернизация нужна, и т.п. Без большого и глубокого анализа концептуальной платформы. Почему? А просто я исходил из тех вещей, которые были на виду: вроде – деиндустриализация – почему? Финансиализация – вот такая-то ситуация, такая-то проблема – а вот такие-то "рецепты". Потому что пока ты не докажешь, что ты придумал какие-то предложения, которые можно реализовать, и они правильные, с осознанием массовым теми людьми, которые решения принимают, до тех пор нечего говорить о более глубокой концептуальной основе, платформе, на базе которой эти "рецепты" сформированы. Поэтому я, собственно, шел наоборот – сначала предлагал, книги писал о реиндустириализации, о стратегии, писал статьи по этому поводу, по частным поводам, а потом все-таки вышел с новой концептуальной платформой, объясняющей – почему нужна реиндустириализация, и какая она должна быть, и почему надо идти к новому качеству материального производства. И вот эти вещи теперь в одном флаконе мы пытаемся концептуально, что ли, так как-то сложить в кучку и, учитывая методологические моменты какие-то, объяснить, уже опираясь на нашу концептуальную теоретическую платформу, какая нам нужна все-таки модернизация, каким способом ее делать, и вообще – зачем же она нам нужна. Я вообще всегда считаю, что, прежде чем говорить о каком-то деле – к примеру, о том, какую модернизацию или какое-то иное дело как делать – надо понять, какие корни там. Вот сегодня, на этом семинаре, мы говорим, в общем-то, о корнях, а не о тех "рецептах", механизмах, технологиях, методиках, которые надо было бы предлагать властям, например.

Еще я хотел бы одну вещь сказать. Она – о природе человека. Мы говорили о природе знаний, я немножко коснулся этого в своем выступлении. Мне кажется, что человек – это нечто особенное; может, это покажется несколько романтичным, что-ли; мне как-то

сказали, что Бодрунов – мечтатель и романтик. Знаете, я абсолютный прагматик, не романтик. Но, тем не менее, настоящий прагматик должен учитывать все, как говорил Кейнс, в том числе и "романтическую" компоненту. Я полагаю – нам надо верить в человека, быть оптимистом. Почему? Потому что человек – это существо, конечно, животное, природное, вышло из природы, и поэтому в нем, конечно, есть то качество, которое позволяло ему в этой – суровой! – природе выживать. И никогда оно не будет изжито, это качество: стремление к лидерству, заработать, сделать, получить, взять, отобрать, проконкурировать, быть лидером, и т.д. Это позволяло выживать. И это лежит сегодня в основе основного тренда экономического развития общества. Но общество развивается не только по этой линии. Человек, напомню, все-таки вышел из природы. Почему? Потому что в нем есть и другое качество – качество осознавать себя, постепенно, все больше и больше, как личность, как нечто такое, что не базируется только на материальных вещах. И поэтому сформулированы и существуют и общечеловеческие ценности, которые придуманы людьми и приняты всеми. Все это понимают, кто бы их там как ни отридал. В религии они там отражаются, в христианстве, заповеди Христовы, например, – это те критерии "качества" человека, на которые мы, как на оселке, точим, проверяем себя, подтачиваем. Так вот, я могу сказать, когда я говорил о культуре, относится это впрямую к нашей теме – я один из наших семинаров предлагаю провести в таком ключе – индустриализм, технократизм и культура – дилемма или единство? Это – очень важная вещь, а почему? Потому что, если кто-то придумал какой-то вирус в компьютере, например, то кто-то придумал антивирус, следовательно, это всегда будет борьба между добром, как говорится, и злом. И чем больше добра мы сумеем воспитать в человеке, тем менее конфликтными будут все следующие переходы, связанные с повышением уровня доступа к знаниям. Как раз все эти эволюционные моменты – они связаны только с осознанием человеком себя, как человека общественного, как существа культуропонимающего, культуропотребляющего и культуроизпроизводящего. Извините за такую сложную терминологию.

Таким образом мы развиваемся и духовно тоже, по этой линии. И вот мое глубокое убеждение – в том, что чем более человек будет развиваться дальше, чем более «технологически» общество будет расти, тем более духовным будет человек. Иначе – не выживет.

Я хотел бы таким моим тезисом ответы на вопросы закончить. И в завершение сказать: Георгий Николаевич сказал вот здесь, в кулуарах, что он еще раз пролистал книгу, – тут столько вопросов! Правильно, абсолютно верно. Всякая вещь, которая более менее по-новому дает посмотреть на что-то, казалось бы, известное, порождает массу вопросов. А как будет то, а как будет это? В меру своих сил и в меру сил наших коллег мы попытаемся всеми возможными способами донести ответы на вопросы, которые уже есть и которые появляются дальше. Для этого – и семинар наш, и статьи, и книжки. В частности, у нас неоднократно появлялись статьи присутствующих здесь коллег, и Александр Владимирович со своей "колокольни", я со своей, кто-то еще со своей колокольни, наши сотрудники, коллеги, партнеры пишут о тех проблемах, которые возникают в связи с развитием концепции НИО.2 и развертыванием соответствующих исследований. Вот недавно мы в Кембридже выступали по проблеме – что делать с "лишними" людьми, которые «возникают» при технологическом развитии? Ответ на этот вопрос мы ищем, находим, и какие-то вещи мы описываем, что мы «видим» под этим делом. Но все такие вопросы – они возникают в ходе семинаров. Я сегодня очень признателен всем, кто задает вопросы, и могу сказать, что все замечания абсолютно интересны. Их ценность для меня важна в двух аспектах. Во-первых, понятно, что что-то надо доисследовать, разобраться, и новое направление, понятно, сразу появляется. А второе – бывает, что что-то уже более-менее понятно, может быть, еще узкому кругу людей, но не отражено еще в тех книгах, тех статьях, которые мы пишем, о чем мы говорим. И значит, на это надо обратить внимание, потому что это вызывает вопросы и ставит под сомнение концептуальную платформу. Чтобы этих сомнений не было, надо сомнения развеивать и раскрывать. И «переубеждать» аргументами постиндустриалистов-коллег.

Уважаемые коллеги, я еще раз хочу поблагодарить всех, кто сегодня смог сюда приехать. Я чрезвычайно признателен за то, что мы сегодня так плодотворно, на мой взгляд, разбираем эту проблему. И еще раз благодарю, Александр Владимирович, Вас как организатора всех наших семинарских побед нынешнего года, и всех наших московских гостей, наших петербургских коллег. И извиняюсь перед теми, кого сегодня я не успею послушать. Но я уверен, что все материалы мы получим, я посмотрю их обязательно, и мы опубликуем всё, что там найдем более-менее ценного, правильного и, более того, мы, со следующего года начиная, намерены публиковать все материалы семинара, как основной формы деятельности института, заседания наших семинаров, которые происходят раз примерно в квартал в разных городах, коллоквиумы к ним. Поэтому, уважаемые коллеги, попрошу у вас статьи в журнал «Экономическое возрождение России», где будет отдельная рубрика – статьи по итогам заседаний нашего семинара, как раз формулирующие и раскрывающие те вопросы, те направления, которые возникают в ходе семинара. Только так мы вместе разработаем эту обширную и колossalную, как нам в ИНИРе кажется, по научному потенциалу, тему.

Я сегодня благодарен коллегам, которые сказали в общем-то неплохие слова, особенно Вам, Андрей Евгеньевич, за то, что Вы слово такое мощное сказали о представленной концепции – достижение. Но я скажу так – пока это первый шаг. И если это – достижение, то оно – общее, вырабатываемое всеми участниками семинара. Спасибо (апплодисменты).

Д.Б. Эпштейн,
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Северо-
Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН

(стенограмма выступления)

Большое спасибо Сергею Дмитриевичу, во-первых, за очень содержательный доклад и за организацию этого замечательного семинара. Вот пока он здесь, я успел немножко елея, так сказать, пролить.

Во-вторых, он так хорошо описал это НИО.2, что мне захотелось самому туда поскорей попасть. Но вот когда я шел сюда – практически проходил мимо Зимнего. Многие, наверно, обратили внимание – там красят, чистят стенку Зимнего, колонны. И как это делается: стоит большой кран знаниеемкий, в котором сидит человек и управляет этим краном. Он держит на стреле корзину, в которой стоит другой человек, который как раз занимается очисткой стен. А третий человек наблюдает за всем этим процессом, видимо руководитель и контролер, чтобы все было в порядке и по качеству уборки, и по ситуации. Так вот – очень мощная технология у крана, по видимому, не менее полезная технология и у того, кто наблюдает. Но самое интересное – как происходит очистка стен Зимнего дворца: кусочком наждачной бумаги вот в этом новом индустриальном обществе человек очищает эту стенку. Никакого аппарата, никакой техники нет, а вот так, вручную. А теперь скажите, в каком веке такая технология применялась? Я не знаю.

Это все в качестве вступления к моему сообщению, которое в каком-то смысле не то что отрицает, а, может быть, отметил бы, диалектически отрицает то, что было в докладе. Но именно – в связи с вопросами, которые возникают – как это все реализовать, как перевести наше сегодняшнее состояние, российское в особенности, вот в то замечательно описанное качество, которое охарактеризовал докладчик основной.

Я просто, поскольку времени на выработку самостоятельной концепции не было – мне перебросили тезисы доклада не так давно – я по этим тезисам просто пройду с некоторыми комментариями.

Итак, основной тезис, что именно материальное производство остается основой существования экономики – ну, на мой взгляд, это не подлежит сомнению, действительно. И производство пока еще по преимуществу остается индустриальным. И я, более того, полагаю, что в принципе производство всегда будет нуждаться в людях. Никогда роботы не заменят полностью людей, и не будет такой ситуации, когда роботы управляют машинами, другие роботы управляют роботами, их конструируют, совершенствуют, ремонтируют и т.д. С чем это связано? С тем, что все время появляются новые потребности в новых материальных благах, и для них необходимо поэтому постоянно усовершенствовать технику и технологии, ввиду ограниченности ресурсов в каждый момент и в каждую эпоху. Т.е. роль человека останется ведущей и очень существенной в производстве, думаю, на весь мыслимый и может даже немыслимый период.

Второй тезис – о том, что происходит переход к новому индустриальному обществу, основанному на знаниях. И вот тут хочется на этом остановиться поподробнее, потому что явно, наряду с материальным производством, во все большей мере объектом деятельности общества и человека становится сам человек – его здоровье, его образование, воспитание, культура, отдых, досуг, а также другие аспекты жизнедеятельности человека. И именно отсюда, в первую очередь, вытекает развитие сферы услуг как содержательных услуг, как направленных именно на человека. Есть ведь еще другая сфера услуг – как продолжение материального производства – транспорт, также недвижимость, торговля вся – это просто продвижение материальных вещей до человека в новой современной ситуации. Это – другая сфера. И вот по-настоящему новые реальные процессы – это именно расширение сферы услуг, направленной прямо на человека.

Ну и поэтому, действительно, увеличивается доля людей, работающих в секторах услуг, и в развитых странах она составляет, как мы знаем, до 80%, иногда может быть больше, от числа занятых, более 80%. И примерно такова же доля в ВВП. Именно в связи с этим и появился термин «постиндустриальное общество». Это не то

общество, где нет индустрии, но это общество, где не доминирует индустрия по занятости, например. Не доминирует производство материальных благ. И в этом смысле – это известная градация – аграрное общество, где доминирует сельскохозяйственное производство и люди, занятые в нем, индустриальное, где доминирует промышленность, она не отрицает наличие аграрного производства, но в индустриальном обществе доминирует промышленность и по объему, и по числу людей, занятых в промышленности и в связанных с ней секторах. Ну и, наконец, в перспективе – общество постиндустриальное это то общество, где доминировать будет общество услуг для человека.

Вот это надо так иметь в виду. Поэтому говорить, что НИО – оно не просто останется и будет воспроизводиться в своей основе и станет доминирующим – нужно с осторожностью, в том случае, если мы будем включать в индустрию и воспроизводство человека, ну, или рабочую силу, во всем ее новом качестве. Вот тогда оно вполне может быть в НИО как доминирующее. В принципе так же Сергей Дмитриевич и поступал в развитии своих тезисов.

Третий аспект тезисов: резкое возрастание в продукте доли знаний, применяемых при производстве. По-видимому, это так. Но тут надо иметь в виду и вот что. Есть же процесс в каком-то смысле и противоположный, сокращающий долю знаний в единице продукта. Я поясню, о чем идет речь. Вот нужны большие знания научные, конструкторские и т.д., чтобы создать технологию и начать ее применять. А дальше количество выпускаемого продукта по этой технологии начинает быстро нарастать. И понятно, что чем больше объем производства, тем меньше относительно в каждой единице продукции доля вот этой новой стоимости и затрат, и знаний в единице продукции. И это надо иметь в виду. Иначе бы количество людей, занятых в науке и производстве знаний, нарастало бы и вытеснило всех остальных. А этого не происходит, оно тоже нарастает, но далеко не так быстро.

Кроме того, есть еще одно обстоятельство. Не обстоятельство, а предложение. Ведь на самом деле я думаю, что можно было бы научиться считать динамику знаниемкости продукта. А для начала просто сравнить например, как количество людей, занятых на производстве знаний и их распространении, меняется со временем.

Только сравнивать не с 1913 года, а например, с 50-53-го годов для Советского Союза, и сравнить с 91-м годом, когда перестал существовать СССР, ну еще этап один – 2000-й и современный период. Мне удалось быстро найти только 2000 год и 2014 год. Показаны темпы роста в численности занятых в соответствующем секторе. И вы посмотрите – картина не та, о которой говорит Сергей Дмитриевич. Если в целом в экономике численность возросла на 5%, в сельском хозяйстве сократилась действительно, мы видим там 69%, т.е. на 30% меньше, то в обрабатывающем секторе, который как раз должен был бы расти, раз мы переходим к новому индустриальному производству – так нет. Там мы имеем 20%-е сокращение. И даже в добыче полезных ископаемых, основе основ нашей, и там 4% -е сокращение. Зато где рост? Оптовая и розничная торговля – 44%, как раз тот самый сектор услуг. Гостиницы и рестораны – 34%, финансовая деятельность – 2-х кратный рост по сравнению с 2000-м годом, операции с недвижимым имуществом, аренда – 30% рост, государственное управление – 20% рост, а наши драгоценные нам научно-исследовательские разработки – растущая знаниеемкость – показывает сокращение на 25%. Вот она, действительность наша российская. Образование – сокращение на 8%, ну вот только здравоохранение 2% рост показало.

Ну и что мы имеем на самом деле? НИО или старое, уж не знаю, доиндустриальное общество – один или ноль. Поэтому возникает вопрос – или тот тренд, о котором говорил Сергей Дмитриевич, имеет отношение ко всему миру, кроме России, и тогда мы должны задаться вопросом, в чем дело, ну или скорректировать теорию.

Можно ли проследить количественные изменения знаний в формировании продукта? Уверен, что можно. Вот сейчас выделяют в себестоимости только административные и маркетинговые издержки. Но вполне можно учитывать отдельно затраты на приобретение и усвоение знаний, на покупку технологий, знаний, на покупку технологий, патентов, содержание конструкторских бюро, затраты на обучение, на предприятия и т.д. Все это дало бы колоссальную статистику, для того, чтобы можно было бы оцифровывать количественно вот те тезисы, о которых шла речь. А в общем продвигаться дальше на пути понимания общественных процессов.

Тезис о том, что материальное производство должно приобрести характер непрерывной инновации. Можно и нужно с ним согласиться. Но если говорить о России, то мы снова должны делать оговорку – у нас этого пока далеко нет.

Далее автор дает расширительную трактовку НИО, о чем я и говорил. Это похвально. Он включает в нее образование, воспитание. Мне представляется, что в этом смысле надо говорить и о медицине. Потому что поддержка здоровья человека в процессе его функционирования становится элементом вот этого нового тренда развития. Тем более, сам автор говорит, что создается новый человек, способный этим знанием овладеть и применить в материальном производстве. Ну раз уж новый человек нужен, нужно его здоровье и поддерживать.

Тезис о том, что основным производственным звеном индустриальной экономики становится индустриальный комплекс нового поколения, интегрирующий производство, науку, образование в едином процессе, а основным способом макроорганизации становится сетевая научно-производственная кооперация. Сегодня этот тезис не звучал, он есть в ряде работ. Но вот хотелось бы уточнить, что такое сетевая организация научно-производственной кооперации и как она будет отличаться от традиционной иерархической структуры в производстве.

С тезисом о нарастании роли активной государственной промышленной политики и долгосрочного инвестиционного партнерства тоже необходимо согласиться. Но вновь задать себе вопрос – что же мы имеем в России? И в этой связи тезис, относящийся к России, сформулирован у Сергея Дмитриевича так, что реиндустриализация российской экономики требует изменения установок, государственных решений в сфере госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т.д. Ну вот – требует, это верно! Вот я хотел в связи с этим остановиться кратко на ситуации. У нас прошло 25 лет, а тем не менее сдвигов в нужную сторону нет. В чем дело? Может быть, есть какие-то слои, которые сильно влияют на власть, и такие частные интересы, которые противоречат этим благотворным изменениям? Может быть, они связаны, например, с экспортом ресурсов, который много проще, чем знаниеское производство, и быстрее ведет к обогащению?

Или возьмем сегодняшнюю ситуацию – три года падения на фоне роста мировой экономики. В мире нет кризиса, у нас он есть, явно рукотворный. Значит, власти не меняют ситуацию, Центробанк не намерен отказываться от завышенных ставок за кредиты, и его поддерживает правительство. Упование по-прежнему на повышение цен на нефть, новые газопроводы и т.д. Об этом не говорилось даже в период перед выборами.

В чем дело? Не следует ли из этого, что недостаточно науке фиксировать тренды будущего? А не поставить ли вопрос о социальной дифференциации, о дифференциации интересов и о том, что нужно найти субъекты и опираться на них, и развивать те субъекты, которые будут бороться за изменение тренда?

И последнее. Не надо идеализировать знания в том смысле, что знание сплачивает общество. Знание и дифференцирует общество. Одно знание доступно при одном уровне потребностей одному слою, другое знание – другим, и т.д. Вот это надо иметь в виду и тоже принимать соответствующие меры. Спасибо за внимание.

Новое качество материального производства: социально-экономическая трансформация. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2016. – 69 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 27.10.2016.
Тираж 1000 экз. 69 с.
Заказ № 2600447

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16